

ВАСИЛЬЕВА ИРИНА

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

18+

Ирина Васильева
Вечная мерзлота.

«Автор»

2026

Васильева И.

Вечная мерзлота. / И. Васильева — «Автор», 2026

В городе Тиховодске вечно идет дождь, а фундаменты зданий медленно уходят в болото. Здесь замерзают трубы, воруют миллионы на «липовой» реставрации фасадов, а молодежь мечтает только об одном — уехать. Евгений Холод — фотограф-одиночка, фиксирующий смерть этого города через объектив своей камеры. Он презирует коррупцию мэра, ненавидит равнодушие взрослых и видит красоту лишь в руинах мертвого бетона. Но когда его семью уничтожает система, а лучший друг оказывается за решеткой по сфабрикованному делу, холодное наблюдение сменяется яростью. Чтобы свалить всемогущего мэра, Евгению придется спуститься туда, куда не проникает солнечный свет — в ледяные воды городских коллекторов, где кипятик соседствует с дерьмом, а один неверный шаг означает гибель под многотонным потоком сточных вод. Это история о том, как подросток-хакер объявляет войну всей системе ЖКХ и коррупции целого региона. Но главный враг Евгения — не мэр-коррупционер и даже не мороз минус тридцать...

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вечная мерзлота.	5
Глава 1. Температура замерзания.	5
Глава 2. Белый шум.	10
Глава 3. Домашний ледник.	15
Глава 4. Точка росы.	21
Глава 5. Сквозняк.	27
Глава 6. Обморожение.	33
Глава 7. Закрытая форточка.	39
Глава 8. Письмо из тепла.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Васильева

Вечная мерзлота.

Часть I. Вечная мерзлота.

Глава 1. Температура замерзания.

Писк электронного термометра был похож на предсмертный хрип умирающей мыши. Евгений открыл глаза ровно в тот момент, когда красные цифры на табло зафиксировали минус двадцать три градуса по Цельсию. Внутри комнаты было не многим теплее — плюс двенадцать. Старая панельная пятиэтажка на окраине Тиховодска выдувала тепло быстрее, чем его отчим дядя Витя успевал зарабатывать деньги на новую секцию радиатора.

Евгений сел на кровати, спустив босые ноги на ледяной линолеум. Ощущение холода под пятками было первым честным чувством за день. Он потянулся к штативу, прислоненному к стене. Алюминиевые ножки обожгли пальцы металлом. Холод здесь был везде: он прятался в углах под потолком, где обои пошли черной плесенью, он свисал с проводов старой проводки мохнатыми кристаллами инея, он скрипел половицами при каждом шаге соседей сверху.

Одевался он механически, как механизм, которому нужно поддерживать рабочую температуру. Сначала — тонкое термобелье, затем плотные флисовые штаны, шерстяные носки, купленные матерью еще в прошлом году на ярмарке выходного дня. Поверх — старый армейский бушлат, тяжелый, пахнувший чужим потом и костром. Шапку-бини он натянул до самых бровей. Зеркало в коридоре отразило нечто бесформенное, пингвиноподобное. Лицо Евгения осталось бледным, почти восковым, с темными кругами под глазами. Цвет кожи жителя подвала или глубоководной рыбы.

На кухне мать гремела сковородой. Запаха еды не было — только запах горелого подсолнечного масла.

— Опять ни свет ни заря? — спросила она, не оборачиваясь. Ее голос звучал глухо, пробиваясь сквозь шум вытяжки.

— Светает поздно, — сухо ответил Евгений, заливая кипятком дешевый чай в пакетике.

— Отец опять ключи от гаража забрал. Говорит, если идешь снимать свои руины, то пешком. Нечего аккумулятор сажать.

— Я дойду.

«Отец». Это слово всегда давалось ему тяжело применительно к дяде Вите. Биологический отец испарился из их жизни так давно, что превратился в плоскую черно-белую фотографию на комод, покрытую слоем пыли. Дядя Витя же был объемным, громким, вечно недозволенным запахом химии и машинного масла. Он работал сменным мастером на судовой верфи «Красный молот», и этот «молот» ежедневно вбивал гвозди в крышку гроба терпения Евгения.

Завтрак состоял из остывшего чая и куса хлеба с маргарином. Евгений жевал медленно, глядя в окно. За стеклом была типография серого цвета. Снег, выпавший неделю назад, успел почернеть, превратившись в токсичную кашу вдоль бордюров. Город Тиховодск выглядел как неудачный чертёж, воплощенный в бетоне без любви к деталям.

Он закинул рюкзак на плечо. Тяжелая тушка полнокадровой беззеркальной камеры больно ударила по пояснице. Три дополнительных аккумулятора во внутреннем кармане бушлата грели ребра лучше любой грелки. Объективы — звенящий от мороза металл в бархатных пазах сумки.

Дверь подъезда закрылась с пневматическим вздохом, отрезая жалкие остатки домашнего уюта. Улица ударила по лицу сухим морозом. Воздух был таким колким, что казалось, будто вдыхаешь толченное стекло. Фонари желтели сквозь сизую дымку выхлопов. Автобусы еще не ходили.

До заброшенного роддома имени Семашко идти было сорок минут быстрым шагом. Евгений выбрал маршрут через промзону. Здесь город сбрасывал маску приличия. Серые бетонные заборы с остатками колючей проволоки, ржавые ангары, надписи «Опасная зона», выполненные трафаретом поверх облупившейся краски.

Роддом встретил его знакомым молчанием. Пятиэтажное здание буквой «П», построенное, должно быть, в конце пятидесятых. Сталинский ампи́р, переживший перестройку, девяностые и нулевые, но проигравший битву с равнодушием. Окна были выбиты все до единого. Черные провалы рам напоминали пустые глазницы черепа.

Евгений остановился метрах в тридцати от здания, расчехляя штатив. Он никогда не подходил вплотную сразу. Ему нравилось наблюдать за архитектурой издали, изучать линии разрушения. Дом оседал. Левое крыло дало усадку, и стена пошла диагональной трещиной от фундамента до самой крыши, словно кто-то полоснул по кирпичу гигантским скальпелем.

Холод — лучший антисептик, — привычно прошелестело в голове. Эта мысль приходила к нему всегда, когда температура опускалась ниже двадцати. Она останавливает гниение. Замораживает боль. Если бы можно было заморозить память...

Он достал камеру. Включил. Экран вспыхнул синим, показывая точный процент заряда — 98%. Хороший показатель для такого минуса. Большинство электроники сдавалось уже при десяти градусах ниже нуля, превращаясь в бесполезные кирпичи. Но эта камера была продолжением его рук. Она тоже любила холод.

Евгений подошел к первому оконному проему на первом этаже. Рамы не было — ее выломали охотники за цветным металлом лет десять назад. Вместо стекла проем затягивала корка льда толщиной в ладонь. Лед был неровным, слоистым, как геологический срез вечности.

Он опустился на колени прямо в грязный, утрамбованный снег. Штатив расставил лапы над его головой, паук, готовый впрыснуть яд реальности в сетчатку матрицы.

Солнце начало выползать из-за крыш панельных пятиэтажек. Свет был мертвенно-голубым, хирургическим. Первые лучи коснулись фасада роддома. И тут началось волшебство, ради которого Евгений мерз последние два часа.

Иней. Миллиарды микроскопических игл, покрывавшие внутреннюю поверхность ледяной корки в окне. До этого момента они были невидимы, сливаясь с матовой белизной льда. Но стоило лучу света пройти под определенным углом, как каждая игла вспыхнула ослепительным серебром.

Это не был просто узор, который мы привыкли видеть на стеклах обычных квартир. Это была карта звездного неба, нарисованная безумцем. Кристальные папоротники росли внутри помещения, переплетаясь в сложные фракталы. Там, где солнечный свет падал прямо, лед казался жидким алмазом. Там, где ложилась тень от остатков подоконника, клубился фиолетовый сумрак.

Евгений прильнул к видоискателю. Мир сузился до прямоугольника кадра. Исчез продуваемый всеми ветрами мертвый город, исчезла школа, куда он сейчас должен был идти, исчез запах перегара от соседа-алкоголика. Остались только он, объектив и абсолютная, звенящая геометрия смерти.

Он начал работать.

Первый кадр — общий план. Широкоугольный объектив (24mm). Диафрагма f/8, чтобы прорисовать каждый кристалл в глубину. Выдержка длинная — одна секунда. Камера требовала полной неподвижности. Евгений задержал дыхание. Щелчок затвора прозвучал в утренней тишине как выстрел мелкокалиберной винтовки. Звук ушел вверх и увяз в свинцовом небе.

Он перекадрировал. Его интересовали детали.

Кадр второй: крупный план места, где лед сходил с обнаженной кирпичной кладкой. Кирпич был темно-красным, влажным внутри, но снаружи покрытым белым пухом соли. Контраст фактур — шершавая смерть камня и хрупкая чистота льда. Золотое сечение. Линия раздела проходила точно по пересечению третей.

Они рождались здесь. Кричали, хватали воздух синими кулачками. Их первый вдох был наполнен запахом хлорки и казенных простыней. А теперь здесь нет даже запаха. Только стерильность отрицательной температуры.

Евгений поменял объектив. Сто тридцать пять миллиметров. Портретник. Он хотел снять отдельную льдинку, причудливо застывшую в форме спирали. Солнечный свет стал чуть теплее, приобретая лимонный оттенок. Спираль начала отбрасывать крошечную тень на нижние слои льда. Объем. Глубина. Третье измерение там, где его быть не должно.

Пальцев ног он больше не чувствовал. Кончики пальцев в тонких тактических перчатках тоже начали терять чувствительность. Аккумулятор на камере показал 85%. Мороз высасывал энергию жадно, но пока техника держалась.

Вдруг со стороны жилого массива раздался звук. Резкий, металлический лязг. Кто-то швырнул мусорный бак. Магия рассеялась. Евгений моргнул, возвращаясь в тело. Спина затекла от сидения на корточках. Он пошевелил плечами, разминая мышцы.

Он перевел взгляд с видоискателя на реальное окно. Солнце поднялось выше, и магия исчезла. При ярком свете стало видно, что это просто старая больница. Грязная, разграбленная, опасная. На втором этаже, там, где раньше располагалась палата новорожденных, в черном проеме мелькнуло что-то живое. Бледное пятно лица.

Сердце Евгения пропустило удар, а затем забилось часто и горячо. Страх. Настоящий, животный адреналин. Мародеры? Бродяги? Или такие же, как он, сталкеры?

Фигура скрылась так же быстро, как появилась. Скорее всего, показалось. Игра света на осколках стекла внутри помещения. Мозг, лишенный визуальных стимулов в темноте дорисовывает образы.

Но осадок остался. Идти внутрь сегодня перехотелось. Обычно он проникал в здание через подвал, решетка которого была аккуратно отогнута предыдущими посетителями. Но сегодня холодный антисептик внешнего мира казался безопаснее теплой заразы внутреннего распада.

Евгений решил обойти здание сзади. Роддом стоял на небольшом возвышении, и с тыла склон был крутым, заросшим сухим бурьяном, торчащим из-под снега черными копиями. Именно здесь природа пыталась вернуть свое. Корни деревьев взламывали асфальт дорожек.

У задней стены он нашел то, что искал вчера. Граффити. Свежие, нанесенные явно летом, но сохранившие яркость красок благодаря тому, что сюда практически не попадало солнце. Огромный, во всю стену, рисунок синего кита. Кит плыл сквозь трещины в штукатурке, его хвост уходил за угол здания. Из пасти кита вместо фонтана воды вылетали стилизованные пиксельные птицы.

Абсурд. Яркое, горячее искусство посреди мертвого холода. Это нарушало эстетику Евгения. Хаос разрушал геометрию. Но именно поэтому кит притягивал взгляд. Он был вызовом. Поцелуем лихорадки на лбу покойника.

Евгений снова установил штатив. На этот раз он использовал тилт-шифт объектив, чтобы немного исказить перспективу, заставив огромного кита выглядеть игрушечным, парящим в воздухе над руинами. Работа увлекла его настолько, что он забыл о времени.

Когда серия была закончена, солнце окончательно оторвалось от горизонта. День вступал в свои права. Утренняя дымка рассеивалась, открывая унылый пейзаж микрорайона: одинаковые коробки домов, чадающие трубы котельной вдали, нитки высоковольтных передач.

Евгений упаковал технику. Руки в перчатках двигались неловко. Он проверил отснятый материал на заднем экране. Кадры родника завораживали. Это была чистая математика распада. Идеальная симметрия энтропии. Кадры кита были другими — нервными, кричащими.

Разочарование, — подумал он, застегивая молнию рюкзака. Мы разочаровываемся, потому что ожидаем тепла. Ждем, что нас согреют люди, работа, любовь. А этого не происходит. Система отопления города дырявая, как решето. Люди эгоистичны. Любовь заканчивается пустыми вешалками в шкафу. Холод ничего не обещает. Он просто констатирует факт: тебе зябко. Оденься теплее или умри. Никаких иллюзий.

Эта философия помогала выживать последние три года, с тех пор как мама привела в дом Виктора с его вонючими берцами и разговорами «по-мужски».

Дорога обратно заняла меньше времени. Евгений шел быстро, пытаясь разогнать кровь. Он вышел на центральную улицу — проспект Строителей. Здесь уже кипела жизнь. Спешащие на смену рабочие, школьники с ранцами, бабушки с тележками.

Контраст между тем, откуда он пришел, и тем, куда он попал, был оглушающим. Здесь пахло выхлопными газами, жареными пирожками из палатки «Минутка» и мокрым войлоком курток. Здесь было тесно. Люди толкались, дышали друг другу в затылок, говорили громко, заполняя звуковой вакуум.

Евгений почувствовал приступ легкой агорафобии. После идеальной тишины брошенных зданий человеческая масса казалась хаотичным, бессмысленным шумом.

Школа номер три встретила его ревом стаи подростков на крыльце. Они курили за трансформаторной будкой, смеялись визгливыми, прокуренными голосами. Данила «Клык» Серов, местный альфа-самец, отделился от толпы. Он был на голову ниже Евгения, но шире раза в полтора. Его лицо, красное от мороза, выражало постоянную готовность к агрессии.

— Эй, Художник, — окликнул он Евгения, сплёвывая на утоптаный снег. — Бабки принес?

Голос у Клыка был сиплым, простуженным.

Евгений остановился. Посмотрел на него сверху вниз. Взгляд Хлада был пустым, прозрачным, как февральский лед. В этом взгляде не было страха, не было злости. Была лишь та самая отрицательная температура.

— Какие бабки, Данила? — спросил он ровным голосом. От звука собственного голоса, лишённого эмоций, самому стало жутко.

— Ты че, попутал? — Клык сделал шаг вперед. Его дружки перестали смеяться, подтягиваясь ближе. — Мы договаривались. За проход через территорию порта. Мой район — мои правила.

Евгений медленно снял с плеча рюкзак. Не спеша расстегнул боковой карман. Достал оттуда не деньги. Он достал сложенный вчетверо лист бумаги. Развернул его и протянул Клыку.

Тот непонимающе взял бумагу двумя пальцами, боясь испачкаться. Пробежал глазами по строчкам. Это была распечатка статьи из местной газеты годичной давности. Статья о том, как племянник мэра попался на попытке сбыта краденого кабеля, но дело замяли.

— Это мой проект по краеведению, — сказал Евгений, забирая бумажку и пряча ее обратно. — Называется «Социальная структура моногородов на примере распределения зон влияния молодежи». Очень интересная тема. Думаю включить туда главу о неэффективных методах рекета в условиях цифровизации правоохранительных органов. Копии этой статьи я отправил на почту директору школы и твоему участковому. Просто так, для полноты исследования.

Клык моргал. Его маленькие глазки бегали от спокойного лица Евгения к рюкзаку, потом на окна школы. Он понял. Понял, что столкнулся не с жертвой. Холод не угрожал. Он просто сообщал факты. Как термометр сообщает температуру. Минус двадцать три. Факт неприятный, но неотвратимый.

— Ты берега не попутал, очкарик? — просипел Клык, но уверенности в его голосе убавилось вдвое.

— Проверь почтовый ящик вечером, — посоветовал Евгений. — Там будет интересно. А теперь извини, у меня звонок через две минуты. Пропустишь — биологичка опять начнет ныть про дисциплину.

Он обошел опешившего Данилу, поднялся по скользким ступеням школы и вошел в теплое, пахнущее хлоркой и столовой нутро здания.

В холле висело огромное зеркало. Проходя мимо, Евгений бросил на себя мимолетный взгляд. Бушлат расстегнут, шапка съехала набок, на щеке — грязный след от замерзающего дыхания. Среди розовощеких, орущих, живых детей он выглядел как экспонат из музея крионики. Иностранное тело.

Он поправил шапку, застегнул куртку до самого горла и направился к лестнице. Впереди было шесть уроков алгебры, физики и литературы. Шесть часов принудительного нагрева перед следующей ночью, когда температура снова упадет, иней покроет выбитые окна, и единственный антисептик от разочарования снова вступит в свою силу.

Глава 2. Белый шум.

Школьный звонок в третьей школе Тиховодска не звенел — он визжал. Это был звук ржавого металла, который рвут на части гидравлическими ножницами. Евгений поморщился, входя в кабинет обществознания. Резкий переход от минус двадцати трех и абсолютной тишины промзоны к плюс двадцати пяти и гулу тридцати двух голосов ударил по нервной системе.

Класс представлял собой аквариум с мутной водой. Пластиковые окна «плакали» конденсатом, струйки воды сбегали на подоконники, где сохли в тряпках чьи-то сменные ботинки. Воздух был густым, пахнувшим мокрой шерстью, дешевыми духами и столовой, ароматы которой просачивались из коридора через щель под дверью: кислые щи и переваренные макароны.

Евгений прошел к своей парте — третьему ряду у стены, вторая парта. Его место было территорией отчуждения. Сосед слева болел уже неделю, справа стул пустовал по негласному уговору — никто не хотел делить личное пространство с Холодом. Он сел, положил рюкзак на колени, но доставать тетрадь не стал. Вместо этого он вытащил смартфон, включил камеру и навел ее на окно.

Снаружи шел редкий, крупный снег. Снежинки падали медленно, словно преодолевая сопротивление невидимого стекла. За окном была жизнь. Здесь — выживание.

— Громов, убери телефон, пока я его не разбила об стену, — раздался голос Ирины Павловны. Она стояла у доски, опираясь костяшками пальцев на стол. Женщина неопределенного возраста, застрявшая между сорока и вечностью, с химической завивкой, которая давно потеряла форму, превратившись в тусклый шлем.

Евгений молча повернул экран к ней.

— Я снимаю игру света на осадках. Для портфолио, — произнес он ровно.

Ирина Павловна осеклась. С аргументами Хлада всегда было сложно спорить. В них не было хамства, только констатация факта, от которой становилось неловко.

— После урока снимешь, — смягчилась она. — А сейчас мы обсуждаем тему, которая касается тебя напрямую. Будущее нашего города.

Класс оживился. Обсуждать будущее Тиховодска любили все, потому что это давало легальный повод пожаловаться на жизнь. Тема звучала официально: «Стратегии развития монопрофильных муниципальных образований в условиях рыночной экономики». По сути — почему завод еще дышит, а люди уже нет.

Доска была исписана мелом так плотно, что казалась серой. Ирина Павловна взяла указку.

— Итак, согласно федеральной программе реновации до две тысячи тридцатого года, наш город должен пройти трансформацию. Кто готов тезисно обозначить основные векторы? Ветрова?

Марина Власова сидела за первой партой среднего ряда. Она резко выпрямилась, словно внутри сработала пружина. На ней была идеально выглаженная белая блузка, волосы собраны в тугой пучок, макияж безупречен даже в восемь утра. Марина была функцией. Идеальной шестеренкой государственной машины, помещенной в этот сломанный механизм случайно, по ошибке распределения.

Она встала. Не просто поднялась со стула, а именно встала — уверенно, распределяя вес на обе ноги.

— Основной вектор — интеграция в федеральную повестку устойчивого развития, — начала она без запинки. Голос у нее был поставленный, звонкий, лишенный региональных говоров. — Отказ от имиджа депрессивного промышленного центра. Переход к концепции «Эко-город на воде». Наше водохранилище — это уникальный ресурс. Мы должны развивать

рекреационную зону: глэмпинг, яхт-клубы, гастрономический туризм на базе локальных продуктов. Судоверфь модернизируется под маломерный флот премиум-класса...

Она говорила минут пять. Без пауз, оперируя терминами вроде «инвестиционная привлекательность», «кластерный подход», «человеческий капитал». Она рисовала на доске схему: кружочек «Тиховодск», от него стрелочки к «Туризм», «IT-хаб», «Агропром».

Пока она говорила, класс затих. Но это была не та уважительная тишина, когда слушают умного человека. Это была тишина недоумения. Рабочие дети рабочих смотрели на Марину так, будто она читает им инструкцию по сборке космического корабля на языке эльфов. Глэмпинг? В городе, где после дождя улицы превращаются в непроходимые топи из-за убитых коммуникаций? Яхт-клуб? У причалов которого местные мужики сушат сети, пахнущие тинной и мазутом?

Марина закончила. Оглядела класс сияющими глазами победителя олимпиады.

— Спасибо, садись, — кивнула Ирина Павловна. — Очень структурно. Есть вопросы или дополнения?

В последнем ряду лениво поднял руку Данила Клык. Но спрашивать он ничего не собирався, ему просто нравилось поднимать руку.

Руку поднял Евгений. Этого никто не ожидал.

— Громов, — удивилась учительница.

Евгений встал. Медленно, как поднимающаяся из толщи ила рыба. Он не смотрел на доску. Он смотрел прямо на Марину. Их разделяло всего три метра пространства, но казалось — пропасть идеологического вакуума.

— Твой план нежизнеспособен, — сказал он тихо. В наступившей тишине шепот прозвучал громче крика.

— Почему же? — улыбнулась Марина снисходительно. Той улыбкой, которой взрослые поощряют глупости детей. — Нужно просто перестать мыслить категориями прошлого века. Нужен ребрендинг территории.

— Ребрендинг мертвого тела не делает его живым, — ответил Евгений. — Ты предлагаешь наложить фильтры инстаграма на гангрену. Ты хочешь построить яхт-клуб там, где ил на дне пропитан тяжелыми металлами от старого кожевенного завода, о котором забыли упомянуть в твоём плане экологической модернизации.

По классу пронёсся смешок. Смех был нервным, злым.

— Это вопрос глубокой очистки дна, которую можно включить в смету... — начала защищаться Марина, но Женя перебил ее. Он говорил все тем же ровным, замороженным голосом:

— Главное не дно. Главное — фундамент. Ты строишь концепцию на лжи. Ты сказала про модернизацию судоверфи. Модернизация для чего? Чтобы строить лодки для московских мажоров? Нет. Верфь умирает, потому что заказы на сухогрузы класса «река-море» ушли в Астрахань и Нижний. Там красят роботы, а у нас красит дядя Витя моей маской от паров растворителя, зарабатывая силикоз. Роботы не пьют водку после смены от тоски, Марина. Люди пьют.

Он сделал шаг вперед. Класс замер. Конфронтация между местным фриком-отличником и дочкой мэра обещала шоу.

— Твой «гастрономический туризм», — продолжил Евгений, глядя ей в глаза, — это пирожки с требухой в палатке у вокзала. Твой «локальный продукт» — это картошка, которую сажают пенсионеры на участках, куда сливают химикаты с полей бывшего колхоза. Ты пытаешься продать красивую обертку человеку, которому нечего есть. Это цинизм. Или слепота. Что хуже?

Марина покраснела. Впервые за утро ее идеальный фасад дал трещину. Она привыкла выступать перед камерами местных новостей, где редакторы вырезали все неудобное. Здесь резать было некому.

— Ты мыслишь стереотипами! — выпалила она. — Да, ситуация сложная. Но если мы будем продолжать ныть о тяжелой доле рабочего класса, мы превратимся в призрак! Город вымрет! Молодежь уедет!

— Молодежь уедет в любом случае, — отрезал Евгений. — Только ты уедешь учиться на муниципальное управление в Москву, чтобы вернуться сюда мэром и пилить бюджеты на строительстве никому не нужных набережных из дешевой плитки, которая потрескается после первой зимы. А они уедут вахтовиками бурить нефть в Тюмень, чтобы никогда больше не видеть эту серую воду и эти трубы. Разницу чувствуешь? Ты бежишь *за* карьерой. Они бегут *от* безнадежности.

Он подошел к доске. Взял кусок мела своими длинными, бледными пальцами. Мел хрустнул.

— Вот твоя схема, — он ткнул острием в нарисованный кружок «Тиховодск». — А вот реальность.

Мел со скрежетом пошел по зеленой поверхности. Евгений рисовал быстро, агрессивно, ломая грифель. Он перечеркивал аккуратные стрелочки Марины жирными крестами.

— Завод. Он дает тепло городу. ТЭЦ встроена в его контур. Если завтра олигарх купит землю и снесет цеха ради вашего элитного жилья, город замерзнет к чертям в ноябре. Вы думали об этом? Инфраструктура едина. Нельзя вынуть сердце, не убив тело.

Он нарисовал квадрат. Внутри него — сложную паутину труб, проводов, кабелей.

— Коммуникации. Канализация проложена в шестидесятых. Трубы лежат в той же траншее, что и силовой кабель. Любой прорыв дерьма оставляет весь микрорайон без электричества. Ваш хваленый IT-хаб сгорит при первом скачке напряжения, потому что подстанция держится на честном слове ветерана труда дяди Пети.

Класс перестал дышать. Даже Клык наклонился вперед, уперев подбородок в кулак. Это была не политология. Это была анатомия вскрытия.

— Люди, — Евгений дорисовал вокруг схемы маленькие фигурки-палочки. Сотни палочек. — Они не хотят яхт. Они хотят, чтобы лифт в их подъезде работал. Чтобы крыша не текла. Чтобы скорая помощь приехала вовремя, а не через сорок минут, потому что единственная машина чинится запчастями, снятыми с списанного УАЗа. Ваше «будущее» строится на песке отрицания настоящего. Вы хотите снести старый вокзал, потому что он портит вид на реку для ваших инвесторов. Но для меня этот вокзал — памятник архитектуры. А для бабы Нюры, продающей семечки рядом — это единственное теплое место, где можно посидеть час, пока ждешь автобуса, который ходит раз в полтора часа.

Он закончил рисовать. Положил мел на полочку. Руки его были покрыты белой пылью.

— Ты предлагаешь лечить насморк ароматерапией пациенту с открытым переломом позвоночника, — подытожил он, возвращаясь на свое место. — Сначала нужно вправить кости. Наложить гипс. Дать обезболивающее. Ароматизаторы подождут.

Наступила пауза. Долгая, вязкая. Было слышно, как за окном проезжает грузовик и как тяжело дышит Ирина Павловна. Она смотрела на исчерканную, оскверненную доску с ужасом учителя, чей учебный план только что сожгли на жертвенном костре.

Марина стояла возле своего стола. Ее кулачки были сжаты так, что побелели костяшки. Она хотела кричать. Хотела сказать, что он ничего не понимает в макроэкономике, что нужны амбициозные цели, иначе инерция распада поглотит всё. Но слова застревали в горле. Потому что каждое слово Жени было правдой. Горькой, воняющей плесенью и перегаром, но правотой физической реальности, против которой аргументы маркетинга бессильны.

— Садитесь, Ветрова, — наконец выдавила Ирина Павловна. Голос ее сел. — Садитесь все.

Урок продолжался еще пятнадцать минут, но превратился в белый шум. Ирина Павловна пыталась говорить о гражданском обществе, о важности диалога власти и молодежи, но звук ее

голоса тонул в плотном воздухе кабинета. Никто не записывал. Все переваривали увиденное. Холод не просто поспорил с принцессой. Он содрал с нее кожу на глазах у всей школы, обнажив хрупкий, розовый каркас из лозунгов.

Звонок спас всех. Он снова взвизгнул, разрывая барабанные перепонки.

Класс взорвался движением. Шуршание курток, стук стульев, гул разговоров. Жизнь вернулась, вытесняя экзистенциальный холод спора.

Евгений методично собирал вещи. Он единственный достал тетрадь и начал аккуратно перерисовывать свою схему с доски, прежде чем дежурные сотрут ее влажной тряпкой. Ему было плевать на реакцию окружающих, но он кожей чувствовал взгляды. Кто-то смотрел с уважением (тихие ботаники, уставшие от лицемерия), кто-то со страхом (Клык, получивший публичную лекцию о том, что его район — это лишь узел гнилых труб).

Когда половина класса уже вывалилась в коридор, плечо Евгения сжали пальцы. Больно, впиваясь в мышцы сквозь бушлат.

— Ты перешел черту, — прошипела Марина.

Она осталась в кабинете одна, загораживая проход. Глаза ее горели сухим лихорадочным огнем. Румянец от мороза исчез, лицо стало белым, как штукатурка.

— Я делаю свою работу, — спокойно ответил Евгений, высвобождая плечо. Его движения были экономными, плавными. Так двигается змея, понимая, что враг крупнее, но быстрее.

— Работу?! — она повысила голос, забыв об осторожности. — Ты уничтожил месяц моих расчетов! Я писала эту стратегию ночами! Я искала гранты! Я разговаривала с архитекторами! Я хочу спасти этот проклятый город, понимаешь ты?!

Она почти плакала. Маска идеальной девочки слетела окончательно, обнажая отчаянную, нервную девочку-подростка, на которую давят родители, учителя и собственные завышенные ожидания.

Евгений посмотрел на нее долгим взглядом. В его глазах не было злорадства. Была усталость.

— Спасти нельзя, Марина, — сказал он очень тихо, так, чтобы слышала только она. — Можно только признать мертвым и достойно похоронить. То, что ты называешь «спасением» — это попытка сделать красивый макияж трупу, чтобы родственники на похоронах не испугались. Но труп все равно начнет пахнуть. Твои архитекторы уедут, получив гонорар. Гранты освою чиновники. А дядя Витя моего отчима завтра получит расчет и пойдет пить стеклоочиститель, потому что его «человеческий капитал» больше не нужен вашему кластерному подходу. Оставь нас в покое. Дай нам сгнить. Может быть, на удобренной нами почве вырастет что-то новое. Настоящее.

Он обошел ее, задев плечом. Прошел к двери.

— Громов! — окликнула она ему в спину. Голос дрожал.

Евгений обернулся в дверях. Коридорный свет бил ему в спину, оставляя лицо в тени.

— Что?

— Зачем ты вообще фотографируешь руины? — в ее вопросе была искренняя, мучительная загадка. — Если тебе все так омерзительно, зачем ты это... коллекционируешь?

Евгений позволил себе едва заметную кривую усмешку. Одну сторону рта.

— Антисептик, — бросил он. — Чтобы помнить, как выглядит правда. До свидания, Ветрова.

Дверь закрылась, оставив Марину одну посреди разгромленного кабинета, среди обломков ее красивой мечты и запаха мела, напоминающего запах пыли в тех самых руинах, которые он так любил.

Коридор оглушил его. Перемена длилась десять минут. Десять минут хаоса. Евгений прижался спиной к стене, став частью ее рельефа. Мимо неслась лавина тел. Первоклашки виз-

жали, старшеклассники обжимались у окон, кто-то ронял учебники. Это был биологический бульон, кипящий при температуре тридцать шесть и шесть.

Белый шум человеческих жизней. Миллиарды звуков, сливающихся в один неразборчивый гул. Евгений закрыл глаза. Он представил роддом. Ледяные папоротники на стекле. Абсолютный ноль. Порядок.

Кто-то толкнул его, пробегая мимо. Горячий плечевой сустав задел рукав его ледяного бушлата. Евгения передернуло от физического отвращения. Тепло другого человека ощущалось как нарушение границ, как инфекция.

— Чего встал на дороге, отмороженный? — пробасил над ухом физрук Михалыч, протискиваясь своим пузатым телом сквозь толпу.

Евгений открыл глаза и посторонился. Физрук пролетел мимо, распространяя вокруг себя облако одеколона «Хьюго Босс» и свежего пота.

Женя достал телефон. Экран показывал сообщение от куратора из питерского университета. Тот самый человек, который прислал приглашение на грант.

«Евгений, ждем первые эскизы. Помните: нам нужна любовь. Покажите нам душу места. Почему оно должно жить?»

Евгений прочитал сообщение дважды. Потом трижды. Курсор мигал в строке ответа.

Любовь? Душа?

Он перевел взгляд на поток школьников. Девочка младших классов ревела, потеряв варежку. Мальчишка-старшеклассник давал другу подзатыльник за прогулянную контрольную. Продавщица из буфета орала на кого-то через окошко.

Это не душа, подумал он, печатая ответ. Пальцы в перчатках плохо попадали по сенсорным кнопкам, пришлось снять правую. Мороз тут же впился в кожу. *Это метаболизм. Химическая реакция окисления белков. Скорость выделения тепла перед окончательным распадом.*

«Я покажу вам правду. Правда красивее любви», — напечатал он.

Отправил.

Удалил диалог.

Надел перчатку обратно.

Прозвенел второй звонок. Резкий, истеричный. Толпа схлынула, втягиваясь в кабинеты, как вода в слив. Коридор опустел, покрываясь слоем конфетных фантиков и влажных следов.

Евгений оттолкнулся от стены. Суставы отозвались тупой болью — он слишком долго стоял неподвижно на сквозняке. Впереди был урок литературы. Пушкин, Татьяна Ларина и письмо Онегину. Еще одна форма вежливой лжи, упакованная в ямбы.

Он вздохнул. Воздух в легких был колючим. Он вошел в кабинет русского языка и литературы, прошел к своему месту.

Марина сидела впереди. Спина прямая, шея напряжена. Она ни разу не обернулась за весь урок. Но Евгений затылком чувствовал волны жара, исходящие от нее. Она продолжала кипеть.

А он оставался холодным. Температура его внутреннего мира опустилась еще на пару градусов ниже нуля. Когда снаружи минус двадцать семь, любая эмоция требует слишком много калорий. А калории в семье Холод стоило беречь для обогрева.

Глава 3. Домашний ледник.

Ключ повернулся в замке с четвертого раза. Механизм был старым, латунным, стертым до блеска в тех местах, где его касались пальцы матери и отчима. Евгения всегда раздражал этот звук — скрежет металла о металл, лишенный всякой надежды на плавность. Это был звук несовпадения.

Дверь открылась в темноту прихожей. Воздух здесь пах иначе, чем в промерзшей школе или на руинах роддома. Там холод был острым, звенящим, очищающим. Здесь он был тяжелым, застоявшимся, пахнувшим мокрой тканью, вчерашним супом и дешевым табаком. Тепло квартиры Тихоходовых было липким.

Евгений стянул бушлат. Тяжелая ткань упала на пол с влажным шлепком. Звук получился слишком громким для пустой квартиры. Он замер, прислушиваясь.

Из кухни доносилось бормотание телевизора — низкий, утробный гул спортивного комментатора, перемежающийся звоном льда о стекло. Отчим Виктор был дома. Смена закончилась три часа назад, а значит, стадия «усталый труженик» плавно перетекла в стадию «оскорбленное достоинство».

Женя повесил рюкзак на крючок. Рука намеренно прошла мимо вешалки Виктора. Полиэстеровая куртка отчима висела в центре, занимая половину пространства, раздувшись от внутреннего объема, как беременный пузырь. Рядом ютились два маминых плаща и старая ветровка Жени, которую он давно перерос в плечах. Эта диспропорция была наглядной моделью их семейной жизни: чужое вытесняло свое.

Он прошел на кухню босиком. Линолеум неприятно охлаждал пятки.

Виктор сидел во главе стола, хотя это место по праву принадлежало матери. Он занимал собой все пространство. Огромный, рыхлый мужчина в растянутой майке-алкоголичке, обнажавшей поросшие густым черным волосом плечи. Перед ним стояла початая бутылка местной водки «Тиховодская», граненый стакан и тарелка с нарезанной толстыми кусками вареной колбасой. Колбаса потемнела по краям — заветрилась. Никто не удосужился накрыть ее пленкой.

— Явился, — констатировал Виктор, не поворачивая головы. Его глаза были прикованы к экрану маленького переносного телевизора, стоящего на холодильнике. По экрану бегали крошечные фигурки хоккеистов. — Двадцать минут шестого. Где шляется?

Мать вздрогнула у плиты. Она стояла спиной к столу, сгорбившись над старой советской сковородой, в которой что-то шипело. Запах жареного лука ударил в нос, пытаясь перебить запах алкоголя.

— Витя, ну что ты сразу... Женя из школы только пришел, уроки задержались...

— Уроки, — хмыкнул Виктор. Он наконец перевел взгляд на пасынка. Глаза у него были красными, воспаленными, но абсолютно трезвыми. Холодная стадия алкоголизма — самая опасная. Когда моторика еще четкая, а мозг уже отключил эмпатию. — Я в его возрасте вагоны разгружал, чтобы матери помочь. А этот бродит где-то. Фотографирует помойки. Думаешь, я не знаю? Директриса звонила. Мать позорит своей мазней.

Евгений молчал. Он подошел к раковине, включил воду. Пустил тонкую струйку, смывая невидимую грязь с пальцев. Вода текла ржавая, оставляя рыжий след на эмали.

Это был первый закон «Домашнего ледника»: не оправдываться. Оправдание — это трещина во льду. Как только ты начинаешь объяснять, почему фотография заброшенных зданий — это искусство, а не «мазня», ты даешь право судить. Евгений же отказывал Виктору в праве быть судьей. Для Хлада отчим был просто погодным явлением. Как туман или низкое давление. Неприятным, неизбежным, но не требующим диалога.

— Оставь ребенка, Вить, — тихо сказала мать. Она выключила газ под сковородой, но продолжала стоять к ней лицом, словно прячась. Ее спина казалась очень узкой в стареньком халате. — Ужин почти готов.

— Ребенок? — Виктор медленно повернул голову. Шея у него была толстой, складчатой. — Ему через год восемнадцать. Пусть либо идет работать ко мне в цех учеником, либо валит отсюда. Нечего тут паразитов кормить. Квартира моя, если кто забыл. Наследство от бабки.

Ложь. Евгений знал историю этой двушки лучше, чем таблицу умножения. Квартира осталась от деда по материнской линии. Но после смерти деда бумаги переоформлялись так долго и мутно, что Виктор, въехав сюда пять лет назад, сумел создать мифологию собственника. Он повторял эту ложь каждый раз, когда хотел напомнить всем об иерархии.

— Я работаю, — сказал Евгений ровным голосом, вытирая руки вафельным полотенцем, жестким, как наждачная бумага. — Моя работа сейчас — поступить на грант. Если я получу стипендию, я сниму жилье в другом городе. И тебя больше никто не будет обременять своим присутствием.

Виктор усмехнулся. Уголок его рта пополз вверх, обнажая желтый металлический зуб слева.

— Грантовик, значит. Столичная штучка. Ты посмотри на себя. Худой, сутулый. Кто тебя там ждет? Думаете, в Питере своих бездельников мало? Им нужны рабы на стройках, а не фотографии облезлых стен. Жизнь, она, Женечка, бетон месить требует. А ты ждешь, пока тебе красоту на блюдечке принесут.

Он плеснул водки в стакан. Жидкость перелилась через край, прокатившись желтой дорожкой по клеенке в красных розах. Клеенка была протерта до дыр под локтем Виктора — белая плешь посреди синтетического лубка.

Мать резко обернулась от плиты. Лицо ее исказилось паникой.

— Не надо при нем! — выдохнула она. — Женя, садись есть. Суп свежий.

Она схватила половник и начала судорожно, с бульканьем, разливать щи по тарелкам. Несколько горячих капель упало на стол рядом с лужей водки. Виктор проследил за ними взглядом, но ничего не сказал. Просто поднял стакан.

— Ну, за честный труд, — провозгласил он, обращаясь куда-то в пустоту между холодильником и сыном. Выпил залпом. Кадык на заросшей шее дернулся дважды. Он шумно выдохнул, взял кусок колбасы пальцами и забросил в рот. Чавканье перекрыло даже голос комментатора из телевизора.

Евгений сел. Между ним и отчимом лежала территория нейтралитета — центр стола, заставленный солонкой без крышки, перечницей и банкой с мутным рассолом.

Мать поставила перед Евгением глубокую фаянсовую тарелку. Щи были бледными, водянистыми. Капуста переварена до состояния слизи. Картошка расплзлась. Но пар шел настоящий, живой. Единственное настоящее тепло в этом доме.

— Ешь, сынок, — прошептала она, погладив его по затылку. Пальцы запутались в отросших волосах.

От этого прикосновения Евгений едва заметно дернулся. Физический контакт причинял дискомфорт. Он опустил ложку в тарелку. Серебряный прибор был старым, ручка истончилась от времени. Ложка вошла в гущу супа с тихим, чавкающим звуком.

— Видишь, как ест? — снова подал голос Виктор, закусывая вторым куском колбасы. — Как интеллигент. На кончике ложки несет, чтоб жир на майку не капнул. Боится испачкаться. Жизнь, Женя, она грязная. Она тебя сожрет и не подавится, каким бы чистым ты ни пытался остаться со своими картинками.

— Если постоянно ждать, что тебя сожрут, можно самому превратиться в хищника, — ответил Евгений, не поднимая глаз от тарелки. — Или в падальщика. Что мы сегодня наблюдаем.

Вилка Виктора со звоном полетела на пол.

Звук повис в воздухе, острый и долгий. Телевизор внезапно затих — пошла реклама стирального порошка. Стало слышно, как за стеной у соседей заплакал ребенок.

Мать бросилась поднимать вилку. Руки ее тряслись.

— Жень, зачем ты так? Папа просто устал. Смена тяжелая была, план горит, мастер придрался...

— Мастер придрался, — эхом повторил Евгений. Он положил ложку на стол. Есть расхотелось окончательно. Желудок сжался, отвергая предложенную пищу. — План горит. Поэтому нужно прийти домой и залить глаза так, чтобы завтра утром руки тряслись? Чтобы от тебя перегаром несло на весь конвейер? Мама, он уволит его через месяц. За пьянку. Они всегда так делают. Выбирают козла отпущения, когда премии лишают.

Это был удар ниже пояса. Низкий, точный, информационный. Евгений никогда раньше не говорил этого вслух. Он смотрел на мать. Искал в ее глазах отражение собственных мыслей.

Но вместо понимания увидел ужас. Она смотрела на мужа, потом на сына, губы ее беззвучно шевелились.

Виктор медленно положил недоеденный хлеб на клеенку. Вытер жирные пальцы о край майки. Затем он начал подниматься.

Это происходило не быстро. Это был процесс выдавливания массы из кресла. Сначала ноги нашли тапочки. Потом руки уперлись в столешницу, костяшки побелели. Наконец, массивный торс выпрямился во весь свой внушительный рост.

Виктор навис над столом. Теперь он заслонял собой свет от люстры, отбрасывая огромную, уродливую тень прямо на тарелку Евгения.

— Повтори, — голос стал тихим, сиплым. Исчезли нотки пьяного благодушия. Осталась только концентрированная угроза. — Что ты там вякнул про увольнение?

— Я говорю, что статистика травматизма на верфи растет пропорционально уровню спирта в крови контролеров ОТК, — Евгений откинулся на спинку стула. Он смотрел снизу вверх, но страха не было. Было холодное, отстраненное любопытство патологоанатома. — Тебе осталось одно предупреждение, Витя. Второе — и статья за нарушение техники безопасности. Ты сам знаешь правила. Ты двадцать лет там гниешь. Зачем цепляться за место, которое тебя убивает? Гордость рабочего класса? Смешно. Рабочего класса больше нет. Есть расходный материал.

Мать вскрикнула. Тонко, по-заячьи. Она встала между мужем и сыном, раскинув руки, словно пыталась остановить столкновение двух поездов. Маленькая, хрупкая женщина против каменной стены.

— Замолчите оба! — сорвалась она на визг. — Господи, хоть бы минуту тишины! Хоть бы один ужин!

Ее вмешательство стало катализатором. Виктор перевел на нее налитые кровью глаза. Защитная реакция мужчины, которого загнали в угол правдой собственного ничтожества, всегда направлена на самого слабого.

— А ты чего лезешь?! — рывкнул он, отталкивая жену в сторону. Толчок был небрежным, но вес Виктора сделал свое дело. Мать потеряла равновесие, взмахнула руками и тяжело осела на табурет, больно ударившись поясницей о край стола. Тарелка с ее порцией супа опрокинулась. Бульон растекся желтым пятном по скатерти.

— Вот видишь, что ты наделал? — прошептала она, глядя на Евгения снизу вверх. В глазах стояли слезы, но она не позволяла им пролиться. Губы дрожали. — Довел отца.

Слово «отец» прозвучало как выстрел. Оно было ложью, актом капитуляции, попыткой задрапировать бытовую травму семейным статусом.

Для Евгения это слово стало спусковым крючком.

— Он мне не отец, — произнес он. Голос впервые за вечер изменил тембр. Стал ниже, вибрировал от сдерживаемого холода. — Мой отец оставил фотографию на комод и сбежал, потому что испугался ответственности. А этот... этот просто пьет твою кровь, мама. Потому что свою ему жалко пускать. Жалко признать, что жизнь проиграна. Легче топить злость в водке и орать на нас.

Виктор обошел стол. Медленно, огибая мать. Теперь он стоял вплотную к стулу Евгения. Жар большого тела ощущался физически. Запах невымытого человеческого существа, кислого пота и спиртовой отрыжки заполнил ноздри.

— Сопляк, — выдохнул Виктор. — Вырастил на свою голову умника. Ничего, улица мозги вправит. Пойдешь милостыню просить со своим фотоаппаратом.

— Лучше просить, чем отбирать, — отозвался Евгений. Он остался сидеть. Демонстративно расслабленная поза бесила отчима больше любого сопротивления.

Рука Виктора метнулась вперед. Он не бил наотмашь — это было бы слишком театрально. Он схватил Евгения за ворот футболки, той самой, что была под бушлатом. Ткань натянулась, врезаясь в горло.

— Да я тебя...

И в этот момент произошло то, чего не ожидал никто.

Евгений перехватил руку отчима. Одной рукой. Пальцы подростка сомкнулись на запястье Виктора с силой слесарных тисков. Сказались часы лазания по пожарным лестницам и ржавым конструкциям вокзала — кисти рук у Жени были жилистыми, нечеловечески сильными для его телосложения.

Виктор удивленно крикнул, попытался вырвать руку. Не вышло. Хватка стала только жестче.

— Температура замерзания воды — ноль градусов, — спокойно сказал Евгений, глядя в красные глаза Виктора. — Температура кипения вашего терпения — около восьмидесяти миллилитров этанола. Разница между этими состояниями — восемьдесят градусов. Знаешь, что происходит с материалом, который принудительно заставляют пройти этот путь за секунду? Он кристаллизуется. Становится хрупким. Ломается.

Он слегка крутанул кисть отчима. Тот зашипел от боли в суставе.

— Отпусти, гаденыш... — просипел Виктор, но уверенности в голосе не было. Впервые за пять лет жертва дала физический отпор. Система координат пошатнулась.

— Завтра ты пойдешь к мастеру, — продолжил Евгений, не меняя тона. — Извинешься. Будешь вкалывать сверхурочно. Сухим. А вечером купишь хлеба и пачку масла. Настоящего, сливочного, а не маргарин. Иначе я отнесу твой пневматический гайковерт в скупку металлов. Денег хватит снять комнату на окраине. И тогда твоя квартира останется чисто твоей. Навсегда.

Мать снова вскочила. Она вцепилась в руку Евгения, царапая ногтями кожу.

— Женя, прекрати! Умоляю! Он же тебя убьет!

Ее крик сработал как сирена. Виктор моргнул, выходя из ступора первобытной ярости. Он посмотрел на свои сдавленные пальцы, потом на спокойное лицо пасынка.

Холод отпустил руку. Резко. Словно выключил ток.

Виктор отшатнулся, прижимая кисть к груди. Сделал шаг назад, споткнувшись о порожек кухни. Оперся спиной о холодильник. Банки с соленьями наверху жалобно звякнули.

Они смотрели друг на друга через поле битвы: опрокинутый суп, пролитая водка, застывшая у плиты женщина.

Белый шум холодильника — монотонное гудение компрессора — стал единственным звуком в квартире.

— Псих ненормальный, — выдохнул Виктор. В голосе звучала растерянность. — Весь в своего папашу. Тот тоже языком умел... до тюрьмы договорился.

Сказал и сам понял, что проиграл раунд окончательно. Упоминание биологического отца было последним снарядом, но оно попало в пустоту.

Евгений встал. Поправил ворот футболки. Посмотрел на мать. Она сидела, закрыв лицо ладонями, плечи мелко тряслись. Она плакала беззвучно, давясь слезами, чтобы не спровоцировать новый виток скандала.

— Приятного аппетита, — сказал Евгений.

Он развернулся и вышел из кухни. Прошел по коридору, наступив в лужу у входной двери. Открыл дверь в свою комнату.

Его комната была крайней, самой холодной в квартире — угловая, стена выходила в подъезд. Обои в углу цвели черной плесенью. Узкая кровать, письменный стол, стул. На столе — ноутбук и тот самый разбитый штатив, склеенный изолентой.

Евгений закрыл за собой дверь. Щелкнул замок. Старый советский шпингалет вошел в паз с глухим деревянным стуком.

Звук отрезал его от кухни, от запаха тушеной капусты, от тяжелого дыхания Виктора и тихих всхлипов матери.

Он подошел к окну. Прижал лоб к холодному стеклу. Снаружи сгущались сумерки. Во дворе зажглись редкие фонари, освещая детскую площадку с покосившейся каруселью. Снег пошел сильнее, скрывая мусор под белым саваном.

За дверью снова началось движение. Громкий шепот Виктора:

— ...говорил я, нельзя таким потакать. Совсем страх потерял. Надо было ремнем...

Ответный тихий, захлебывающийся шепот матери:

— Тише ты... Услышит... Куда он пойдет, Вить? Осень скоро... Пропадет ведь мальчишка...

Евгений закрыл глаза.

«Пропадет».

Странное слово. Как будто он котенок, выброшенный в коробке к метро. Он не пропадет. Холод сохраняет. Холод консервирует.

Он открыл ноутбук. Экран осветил его лицо синеватым светом. На рабочем столе — папка «Портфолио_2026». Внутри — сотни фотографий. Мертвые окна. Ржавчина. Геометрия распада. Идеальная красота конца.

Палец завис над кнопкой мыши. Кадр номер 408. Интерьер заброшенного ЗАГСа. Облупившаяся лепнина в виде венков, сквозь которые пророс дикий плющ. Символ вечности, пожираемой временем.

Евгений улыбнулся краешком губ. Настоящей, теплой улыбкой. Единственной за весь день.

Завтра Марина Ветрова принесет ему схемы канализации мэрии. Завтра Данила Клык попытается вернуть долг кулаками. Завтра начнется игра, которая может стоить ему свободы.

А сегодня... сегодня он просто посидит в своем леднике.

Он подтянул к себе клавиатуру и начал печатать эссе для питерского куратора. Текст ложился на белый лист документа ровно, без ошибок.

«Вы спрашиваете, почему это место должно жить? — писал Евгений Холод. — Оно не должно. Ни одно место не имеет права на существование просто по факту постройки. Жизнь города измеряется не количеством квадратных метров жилья, а интенсивностью обмена теплом между людьми. Наш город отдал всё тепло бетону труб. Люди внутри остыли. Мы перестали согревать друг друга. Фотографии этих стен — это не реквием. Это термограмма трупа. И прежде чем лечить болезнь, врач должен признать факт смерти старого организма. Оставьте надежду всяк сюда входящий. Ей тут нечем питаться».

Он перечитал абзац. Удалил последнюю фразу. Слишком поэтично. Не соответствует бренду «Евгений Холод».

Оставил просто точку.

Закрыв ноутбук.

Лег на кровать, не раздеваясь. Прямо в ботинках, оставив на сером одеяле следы уличной пыли.

Сквозь стену доносилось бормотание телевизора — теперь показывали какой-то старый советский фильм. Слышался звон посуды — мать мыла кухню. Один. Виктор ушел в большую комнату смотреть новости.

Евгений лежал, глядя в потолок, где плясали синие отсветы от проезжающих внизу машин. Сон не шел. Организм был перевозбужден адреналином короткой схватки.

Но внутри было хорошо. Спокойно.

Температура в комнате была плюс десять. Но под двумя слоями курток и одеялом тело Евгения хранило идеальные тридцать шесть и шесть.

Замок в его душе был закрыт изнутри. Самый надежный замок в мире — абсолютный ноль.

Глава 4. Точка росы.

Фальшфасад Дома культуры «Металлург» пах раскаленным пластиком и пылью. Евгений прижался спиной к нагретому солнцем профлисту, чувствуя ребрами каждую вмятину от града, прошедшего здесь неделю назад. Снаружи, со стороны проспекта Строителей, это здание выглядело как новодел — унылая коробка цвета мокрого асфальта, обшитая дешевым металлом под дерево. Мэр Тихоходска торжественно перерезал ленточку на открытии этого саркофага прошлой осенью, обещая горожанам «современное пространство для досуга».

Пространство оказалось мертвым. Внутри не было ни кружков, ни секций. Только пустые коридоры, запах сырой извести и охранник ЧОПа, который спал на вахте с девяти до шести. Но Евгения интересовал не интерьер. Его манила изнанка.

Он знал этот город лучше, чем линии на собственной ладони. Знал, что новые власти страдают исторической слепотой: они прикрывают гниение новыми вывесками, но никогда не удосуживаются снести старое до основания. Профлист прибили прямо поверх старого фасада сталинского ампира. Где-то там, под слоем оцинковки и минеральной ваты, задыхалась история.

Евгений скинул рюкзак на пожухлую траву у подножия здания. Место он выбрал глухое — внутренний двор ДК, выходящий на задворки городской бани. Здесь росли старые тополя, ронявшие липкие почки, и валялись горы строительного мусора, оставшегося после «реновации». Идеальное укрытие от случайных взглядов.

— Температура тела тридцать шесть и шесть, — пробормотал он себе под нос старую мантру. — Температура воздуха двадцать два выше нуля. Разница двенадцать градусов.

Это была его личная физика выживания. Он вычислял точку росы автоматически, чтобы понять, где соберется конденсат, где потемнеет кирпич от влаги, а где останется сухим. Сейчас ему нужен был сухой участок. И тень.

Он достал из бокового кармана рюкзака складную титановую лопатку. Инструмент поиска, легкий и прочный. Не оглядываясь — привычки параноика въелись в подкорку — он подошел вплотную к стене. Нижний край профлиста шел неровно, оставляя щель шириной в ладонь над самым фундаментом. Щель заросла пыльным бурьяном и паутиной.

Евгений опустился на колени. Земля здесь была твердой, утоптанной сотнями ног рабочих. Он просунул кончик лопатки в щель между старым красным кирпичом и серым листом металла. Надавил. Металл издал низкий, вибрирующий гул, похожий на стон расстроенной басовой струны.

«Они убивают звук архитектуры», — подумал Женя. «Запечатывают эхо времени в консервную банку».

Работа требовала ювелирной точности. Ему не нужно было снимать весь лист — это вызвало бы грохот, который услышали бы даже спящие в соседних пятиэтажках. Ему нужна была смотровая щель. Окуляр в их общий с городом морг.

Лопатка вошла глубже, нашла упор в деревянной обрешетке. Евгений использовал рычаг собственного веса. Послышался тихий, тошнотворный визг вырываемых гвоздей. Один. Второй. Лист отошел от стены на пару сантиметров. В образовавшуюся темноту пахло подвальной прохладой, запахом птичьего помета, старой масляной краски и чего-то сладковатого, химического — запаха медленно умирающего бетона.

Женя отложил лопатку. Достал мощный светодиодный фонарь. Включил его, направив луч в черную щель.

Свет ударил во тьму, вязнув в густой пыли. Пылинки танцевали в луче, словно мириады крошечных планет. Кирпичная кладка внутри оказалась невероятно красивой. Это был доре-

волюционный кирпич, тяжелый, пережатый, глубокого вишневого оттенка. Раствор выкрошился, превратив швы в темные ущелья.

Но искал он не кирпич.

Он повел фонарем вправо, освещая стык стен. И замер.

Дыхание перехватило. Тот самый редкий момент абсолютной охотничьей стойки, когда время перестает течь линейно.

Там, на высоте человеческого роста, скрытая от дождей и ветра толщей фальшстены, сияла мозаика.

Она не была огромной — примерно метр на полтора. Советская индустриальная романтика пятидесятых годов. Смальта. Тысячи кусочков цветного стекла, вручную вколоченных в сырую штукатурку каким-то безымянным художником, верившим в светлое будущее тяжелого машиностроения.

Сюжет был классическим: Сталевар и Колхозница. Но это были не те монументальные истуканы с ВДНХ. Это была камерная, почти интимная работа. Лицо сталевара было усталым, благородным, покрытым виртуозно выложенной черной копотью. В его руках не серп и молот, а длинный стальной прут, из которого вылетали настоящие искры — кусочки золотой и оранжевой смальты, вставленные под углом к источнику света. Рядом стояла девушка в легком ситцевом платье. Она держала колос пшеницы, сделанный из лимонно-желтого стекла, которое казалось живым, теплым на фоне сурового мужского профиля.

И самое главное — венок. Над их головами смыкался огромный венок из дубовых листьев и колосьев, выполненный в технике флорентийской мозаики. Оттенки зеленого перетекали друг в друга так плавно, что казались объемными. Время пощадило эту стену. Из-за герметичности своего саркофага мозаика не выгорела. Цвета били по глазам сквозь пыль с перевозанной силой.

Точка росы, — пронеслась мысль. *Идеальный баланс температур снаружи и внутри создал вакуум. Ни одна капля воды за семьдесят лет не коснулась этих стекол.*

Евгений почувствовал, как вдоль позвоночника бежит знакомый холодок восторга. Это было настоящее. То, ради чего он дышал. Эта стена знала вкус первых пятилеток, она видела слезы жен, встречающих эшелоны с фронта, она впитывала смех детей на утренниках. А теперь ее похоронили заживо ради отчетности мэра перед областью.

Нужно было работать быстро. Охранник мог сделать обход. Или какой-нибудь подросток вроде Клыка мог забрести сюда в поисках места для банки энергетика.

Евгений сменил тактику. Он вытащил из рюкзака старый туристический коврик-пенку. Расстелил его на битом кирпиче, чтобы не убить колени. Затем достал камеру.

Полнокадровая беззеркалка сейчас казалась продолжением его черепной коробки. Он накрутил объектив — цейссовский «Батис» сорок миллиметров. Резкий, звенящий, идеально подходящий для передачи фактуры.

Первым делом — общие планы через щель. Но стекло объектива упиралось в металлический лист. Появлялись отвратительные блики, крадущие глубину.

Решение пришло мгновенно. Рискованное, глупое, единственное.

Он снова взялся за лопатку. Просунул руку в щель, насколько позволяла ширина плеч. Потянул профиль на себя. Еще один гвоздь вылез с громким хлопком, похожим на выстрел детского пистолета. Женя замер, прислушиваясь. Во дворе бани кто-то включил воду. Шум заглушил звук.

Он расширил проем. Теперь щель стала похожа на кривую пасть. Достаточно широкую, чтобы просунуть туда голову и плечи камеры.

Евгений лег животом на землю. Холодная земля приятно остудила разгоряченное тело. Он направил объектив в темноту.

Автофокус зацепился за золотистую искру на груди сталевара. Щелк.

Матрица зафиксировала фотон.

Затем — трещинку в уголке губ колхозницы. Сквозь нее проступала старая штукатурка, создавая эффект патины. Щелк.

Он работал в ручном режиме. Диафрагма f/5.6 — идеальный компромисс между глубиной резкости и количеством света, который ловил объектив. Выдержка... Света катастрофически мало. Даже на ISO 800 картинка будет темной. Вспышку использовать нельзя — плоский свет убьет магию смальты, превратит чудо в плоскую аппликацию. Нужна длинная выдержка. Стабилизация.

Евгений максимально вжал локти в пол, превращая свое тело в штатив. Задержал дыхание. Мир сузился до прямоугольника видоискателя. Исчез запах пыли. Исчезло чувство голода. Исчез холодный дом и пьяный отчим. Осталась только геометрия чужого замысла.

Он начал видеть то, чего не видел обычный зритель. Мозаика начала распадаться на абстракцию. Если сместить фокус чуть вбок, лицо сталевара исчезало, оставалась лишь переливающаяся гора синего, черного и серебряного стекла. Космос. Галактика тяжелого труда.

Если навести резкость на границу между золотой искрой и черной курткой, линия становилась ослепительно острой, математически точной. Контраст текстур: гладкое, холодное стекло против пористой, живой штукатурки.

Внезапно луч фонаря, который он оставил лежать на земле, качнулся. Кто-то задел его ногой?

Евгений замер. Глаз прилип к окуляру. Сердце пропустило удар, потом второй. Кровь застучала в висках.

Секунда. Две. Десять.

Тишина. Просто сквозняк. Фонарь стоял на куче щебня, гравий осыпался.

Он выдохнул облачко пара. Хотя температура была летней, внутри щели всегда царила вечная мерзлота. Конденсат собирался на нижней губе.

Он продолжил съемку, меняя ракурсы. Ему нужен был кадр-манифест. Кадр, который пойдет в портфолио вместо фотографий ржавчины. Фотография жизни, которую пытаются убить.

Он нашел его.

Крайне левый нижний угол композиции. Там, где рука девушки соприкасалась с рукой рабочего. Художник сделал переход мастерски: мозолистая, темная кисть мужчины, сжимающая сталь, нежно накрывала тонкую, почти прозрачную руку женщины. Линия соприкосновения проходила ровно по диагонали кадра.

А фоном служила граница тени. Одна половина лица сталевара была в глубокой, бархатной темноте (внутренняя сторона фальшфасада), вторая — залита воображаемым светом прожектора (свет из щели).

Символизм бил наотмашь. Прошлое и Настоящее. Мужское и Женское. Теплое и Ледяное. Они пытались удержать этот мир вместе, пока снаружи равнодушные люди заколачивали их гроб оцинкованным железом.

Евгений поймал этот стык. Навелся на него. Глубина резкости была настолько малой, что ухо сталевара уже уходило в расфокус, превращаясь в розовое пятно. Только руки. Только касание.

Выдержка — две секунды.

Штатив-тело должен быть неподвижнее камня. Любой микродрожь мышц смажет ту самую грань между стеклом и камнем.

Один. Два. Три...

Он снимал палец с кнопки спуска затвора так медленно, будто обезвреживал бомбу.

Щелчок зеркала (электронного) прозвучал в тишине двора как вздох великана.

Готово.

Он перевел камеру в режим просмотра. Увеличил изображение на экране.

Экран ноутбука или смартфона никогда не передаст этого. Но видеоискатель показал всё. Каждый скол смальты. Каждую пору кирпича. И тот самый микроконтраст. Температурный контраст. Черная тень была ледяной. Золотая смальта буквально излучала тепло с экрана.

Это был лучший кадр в его жизни. Кадр номер 137 серии «Вечная мерзлота».

Евгений позволил себе улыбнуться. Впервые за день мышцы лица расслабились. Это была улыбка собственника. Хищника, загнавшего редкого зверя.

Нужно было уходить. Оставляя стену открытой он не имел права — первый же дождь уничтожит шедевр, вымыв остатки связующего раствора. Да и оставлять следы своей деятельности опасно.

Он аккуратно, миллиметр за миллиметром, начал заправлять край профлиста обратно в паз. Работа шла тяжелее, чем вскрытие. Нужно было совместить отверстия от вырванных гвоздей. Руки ныли от напряжения, пальцы соскальзывали с холодного металла.

Когда последний лист встал более-менее ровно, Евгений достал рулон армированного серебристого скотча. Не эстетично, но функционально. Он тщательно, крест-накрест, заклеил место взлома изнутри и снаружи. Со стороны двора это будет выглядеть как след давнего ремонта. Главное — чтобы внутрь не попала вода.

Собрав снаряжение, он еще раз взглянул на стену. Обычный грязный фасад заброшки. Никто и никогда не узнает, какая красота бьется под этим панцирем, пытаясь согреть камень своим стеклянным сердцем.

Обратно он шел через центральную аллею парка. Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в цвет дешевого апельсинового сока. Жара спадала, сменяясь той самой вечерней прохладой, которая предвещает туманы над водохранилищем.

Евгений чувствовал приятную усталость в мышцах. Адреналиновый отходняк делал шаги легкими, почти пружинящими. Он сел на скамейку недалеко от центрального фонтана. Фонтан, разумеется, не работал. Уже третий год подряд. Вместо струй воды в бетонной чаше скопилась лужа, в которой плавали окурки и пожелтевшие листья.

Он положил рюкзак на соседнюю скамью. Открыл боковой отсек, проверил камеру. Карта памяти надежно сидела в слоте. Аккумулятор показывал 42%. Запаса хватит, чтобы добраться до дома и сбросить материал на жесткий диск.

Мимо прошла компания подростков. Данила Клык вел их — своих шестерок. Они громко матерились, передавая по кругу бутылку пива.

Клык увидел Евгения. Замедлил шаг. Подошел, засунув руки в карманы спортивных штанов. Его свита остановилась в трех метрах, изображая готовность к драке.

— Что, Художник, клумбы фотографируешь? — Данила кивнул на чахлые городские петунии. — Насыщенность повыше делай, а то бледные совсем. Как твоя жизнь.

Евгений поднял на него глаза. Взгляд был чистым, прозрачным. После того случая с захватом руки в гараже, отношения между ними перешли в стадию вооруженного нейтралитета. Клык уважал силу, а сила Хлада была не мышечной, а нервной. Электрической.

— Я снимаю идеальную изоляцию, Клык, — спокойно ответил Евгений. — Смотрю, как живые системы запирают сами себя в металлические гробы, думая, что защищают себя от среды. А на самом деле просто гнивают изнутри в темноте.

Данила нахмурился. До него дошло процентов десять сказанного, но интонация впечатляла. Это звучало как угроза, хотя Женя говорил тихо.

— Умничаешь много, — буркнул Клык. — Смотри, допиздишься. Сегодня ночью на порту охрана злая. Батя сказал, менты рейды устраивают.

— Спасибо за предупреждение, — кивнул Евгений. — Передавай привет отцу. Скажи, пусть меньше пьет, зрение садится. Спички мимо коробки берет.

Он демонстративно отвернулся, давая понять, что аудиенция окончана. Клык постоял секунду, переваривая дерзость, затем сплюнул под ноги Евгению и ушел, увлекая за собой стаю. Матерные ругательства удалялись в сторону набережной.

Евгений остался сидеть. Вечерний ветер принес запах озона — где-то далеко, за лесополосой, собиралась гроза. Первая настоящая августовская гроза.

Дом встретил его привычной духотой и звуком работающего перфоратора этажом выше. Ремонт соседей стал постоянным саундтреком их квартиры.

Виктор храпел в большой комнате, перекрывая звук телевизора. Мать возилась на кухне, судя по звуку — пыталась отскочить чугунную сковороду песком. Сизый дым тянулся из-под кухонной двери.

Проходя мимо комнаты матери, Евгений заметил, что дверь приоткрыта. Обычно она закрывала ее плотно. Он заглянул внутрь.

Комната выглядела как декорация к спектаклю о бедности семидесятых. Узкая кровать с пирамидой подушек под тюлем, сервант с хрусталем, который никто не доставал годами, и ковер на стене. На подоконнике стояли фиалки в банках из-под майонеза. Все они были желтыми — мать забывала их поливать, поглощенная выживанием.

На столе лежал раскрытый конверт. Белая бумага резко диссонировала с общей обстановкой.

Евгений вошел. Бумага хрустнула под ногами. Старые половицы выдавали каждый его шаг.

Он взял конверт в руки. Плотный, дорогой. Логотип университета дизайна и искусств. Санкт-Петербург.

Его имя. Написанное от руки. Красивым, каллиграфическим почерком секретаря приемной комиссии.

Сердце дало сбой. Физический, болезненный пропуск удара.

Евгений перевернул конверт. Заклеен небрежно. Вскрыт ножом для писем, которого у них в доме отродясь не было.

Он вынул листы. Официальный бланк.

«Уважаемый Евгений! Рады сообщить, что ваш предварительный творческий проект прошел отборочный тур. Мы получили ваше эссе "Термограмма трупа" и серию работ...»

Дальше читать не смог. Буквы поплыли.

Они вскрыли письмо.

Мать? Нет, она бы никогда. Она ждала бы его, чтобы разделить радость или страх. Ей бы в голову не пришло лезть в его личную почту, физическую или цифровую.

Виктор.

Конечно. Пришел с работы, увидел белый прямоугольник на столе. Любопытство маргинала. Желание найти компромат, повод посмеяться над «столичными замашками». Убедиться, что пасынок такой же неудачник, как и все вокруг.

Евгений скомкал листы в кулаке. Бумага больно врезалась в ладонь.

Весь кайф от идеальной мозаики испарился. Белый шум родительского ничтожества забил частоты вселенной.

Он вышел из комнаты матери, плотно притворив дверь. Прошел в свою келью. Сел на кровать.

Разжал кулак. Лежали жалкие бумажные шарики. Символ его будущего, которое попытались раздавить тяжелым рабочим ботинком еще на старте.

Евгений открыл рюкзак. Достал ноутбук. Включил. Пока система грузилась, он смотрел в стену.

Обои в углу пузырились от сырости. Прямо над столом начиналась та самая черная плесень. Грибок медленно, но верно пожирал квартиру, точно так же, как равнодушные пожирало людей в этом городе.

Компьютер загрузился. Рабочий стол — черный квадрат, никаких иконок. Минимализм мертвого пространства.

Он подключил карту памяти. Создал новую папку. Назвал ее «137_ДК_Металлург».

Курсор завис над кнопкой «Загрузить».

Рука дрогнула.

Впервые за долгое время точка росы сместилась. Внутри стало слишком жарко от ярости.

Фотографии спасенной красоты ждали переноса. Но экран монитора вдруг показался ему таким же фальшивым профлистом, которым закрыли настоящую мозаику.

Евгений захлопнул крышку ноутбука. Резко, зло.

Встал. Натянул перчатки.

Сегодня ночью он не полезет в порт за деталью для лодки Клыка.

Сегодня ночью ему понадобится другой инструмент. Лом. И знание архитектурных уязвимостей одного конкретного здания на площади Ленина.

Температура в комнате поднялась на градус. Конденсат на окне больше не угрожал появиться. Воздух стал сухим и колючим, как перед ударом молнии.

Гроза приближалась не только к городу. Она начиналась внутри него.

Глава 5. Сквозняк.

Речной вокзал в Тиховодске был памятником амбициям, которые умерли раньше бетона, пошедшего на его строительство. Грандиозное здание эпохи «оттепели» — смесь советского неоклассицизма и футуризма — должно было встречать белоснежные лайнеры с туристами, плывущими по Волге к Каспийскому морю. Туристы приезжали дважды: посмотреть на стройку века и посмотреть на то, как она обанкротилась. Теперь порт принимал только ржавые баржи с песком да частные моторки местных браконьеров.

Евгений подошел к центральному входу со стороны площади. Огромные дубовые двери были намертво заколочены крест-накрест сосновыми брусьями. Поверх дерева висел новенький, блестящий замок фирмы «Апекс», который выглядел здесь так же неуместно, как смокинг на скотном дворе. Табличка гласила: «Объект находится под охраной государства. Проход строго воспрещен».

Государство охраняло свои руины с завидным рвением, используя самые дешевые замки из ближайшего хозмага.

Но главный вход Евгения не интересовал. Архитектура сталинского ампира всегда избыточна; она строится на симметрии, а значит, у каждого парадного подъезда есть черная лестница для прислуги или технические эвакуационные выходы для персонала. Евгений обошел циклопическое здание слева, туда, где гранитная облицовка цокольного этажа переходила в обычный строительный мусор и заросли дикой малины.

Здесь пахло иначе. Если фасад вокзала источал запах пыли и забвения, то тыл вонял тиной, мочой и креозотом от железнодорожных путей неподалеку. Это был настоящий запах города — честный, лишенный позолоты.

Он нашел то, что искал: узкую створку служебной двери, покрытую десятками слоев масляной краски. Краска вспучилась от времени, образовав причудливый рельеф. Замка на этой двери не было вовсе. Вместо него в массивные железные петли была продета толстая алюминиевая проволока, скрученная на совесть.

Сквозняк. Тонкая струя воздуха тянулась из-под двери наружу, принося с собой запахи сырого камня, мокрого войлока и чего-то сладковато-пряного, похожего на сушеные травы. Дверь дышала. Здание жило своей тайной жизнью внутри, несмотря на внешние печати смерти.

Евгений достал из кармана бушлат тонкие плоскогубцы. Работа заняла меньше минуты. Проволочное кольцо разжалось с тихим металлическим писком. Он аккуратно смотал проволоку, положил ее на бетонный приступок — старое правило урбэкс-эксплореров: не оставлять следов взлома там, где живут люди. Мало ли кто пользуется этой дверью по ночам.

Тяжелая дверь открылась внутрь без единого звука. Петли явно смазывали совсем недавно. Внутри царил абсолютный, густой мрак. Запах усилился. К влажной извеске добавился стойкий аромат дешевого табака-самосада и жареного лука.

Евгений включил фонарь. Узкий луч белого света ударил в темноту, выхватывая из небытия кафельный пол с ромбовидным узором. Плитка была разбита во многих местах, сквозь черные провалы виднелась сырая земля подвала. Стены покрывал слой зеленоватой слизи — конденсат десятилетиями оседал на холодном камне.

Луч пополз вверх по стене, освещая пожарный щит. Топор на нем покрылся густым слоем ржавей окиси. Ведро превратилось в цветочный горшок для какой-то бледной поросли. Затем свет скользнул выше, к потолку, и уперся в спину человека.

Старик сидел на перевернутом ведре метрах в пяти от входа. Он не шевельнулся, когда скрипнула дверь, и даже сейчас, попав в слепящий свет мощного диода, он лишь слегка прикрыл глаза морщинистой рукой.

Это был самый старый человек, которого Евгению доводилось видеть вблизи. Не просто пожилой, а древний, как сама геологическая эпоха. Его лицо напоминало пересохшее русло реки — глубокие трещины морщин сходились к бесцветным глазам. Одет он был в невероятное рванье: поверх телогрейки цвета дорожной грязи был надет жилет из множества карманов, сделанный из автомобильных покрышек и армейских ремней. На голове — детская лыжная шапочка с помпоном, нелепо торчащим на макушке. Из-под шапочки выбивались седые волосы, грязные, свалившиеся в косицы.

— Ты бы лампочку притушил, чай не допрос, — проскрипел старик голосом, похожим на трение наждачной бумаги о стекло. — Слепит.

Евгений опустил фонарь, направив луч себе под ноги. В полумраке фигура старика стала еще более сюрреалистичной. Рядом с ним стояла старая керосиновая лампа «летучая мышь». Стекло закопченное, фитиль едва тлел, давая больше тепла, чем света.

— Я думал, тут охрана, — сказал Евгений, чтобы разорвать вязкую тишину. Собственный голос показался ему чужим и слишком громким в этом пространстве.

— Охрана снаружи осталась, — старик кивнул в сторону заколоченной двери. — Там, где казенные печати. А я тутотшний смотритель. По штатному расписанию меня сократили в девяносто восьмом, вместе с навигацией. Только сокращенным трудовую книжку забыли выдать. Вот и маюсь, стерегу пустоту. Чего пришел? Цветмет искать?

В словах не было агрессии. Одна сплошная констатация факта, такая же ветхая, как сам старик. Евгений сделал шаг вперед. Под ногами хрустнуло стекло.

— Мне нужна крыша, — прямо ответил он. — Западный пилон. Хочу снять линию горизонта между водой и небом. Нужна высота сорок метров и отсутствие остекления.

Старик медленно повернул голову. Шея у него поворачивалась всем корпусом, со звуком сухого дерева. Он смерил Евгения взглядом — снизу вверх, от тяжелых туристических ботинок до капюшона бушлата. Оценивал не одежду. Оценивал цель.

— Фотограф, значит, — протянул он. — Художник блошиного стиля. Видел я ваши работы в интернете. Вы всё мертвечину снимаете. Ржавчину любите. Думаете, это философия. А это просто лень. Мертвое снимать легко, оно возражать не станет.

У Евгения дернулась щека. Старик бил точно в цель, в самую уязвимую точку его творческого метода. Холод промолчал, стиснув зубы.

— Крыша тебе... — старик пожевал губами, беззвучно перекатывая слюну. — На крыше сквозняк злой. Продует твои мозги окончательно. Они у тебя и так набекрень, судя по куртке. Зимняя, а на дворе август.

— Она дышащая, — автоматически буркнул Евгений. — Мембрана Gore-Tex.

Старик вдруг издал звук, похожий на кашель курильщика, но быстро переросший в сухой смехок. Он смеялся долго, раскачиваясь на своем ведре. Смех сотрясал его тщедушное тело, обнажая редкие желтые зубы.

— Дышащая! — выдавил он сквозь смех. — Мать сыра-земля тоже дышащая, пока трактор не приедет. Ладно, Гортекс. Куда денешься. Любопытство сгубило кошку, а скука убьет старого дурака. Полезай. Только учти: вниз смотреть страшно будет. У людей внизу лица мелкие становятся, как у тараканов. Сразу видно, кто куда бежит и зачем гадит.

— Я не боюсь высоты, — сказал Евгений.

— Высоты все боятся, — отрезал старик. — Кто говорит обратное, тот либо идиот, либо мертвый. Бояться надо падения. А высоту любить надо. Чем ближе к небу, тем дальше от людской суеты.

Он тяжело поднялся с ведра. Суставы затрещали так громко, что Евгений испугался, не переломится ли дед пополам. Росту в нем оказалось неожиданно много — долговязый, сгорбленный вопросительный знак.

Старик прошел мимо Евгения, обдав его волной концентрированного запаха старости, дыма и каких-то специфических мазей. Он подошел к стене, которую Евгений принял за глухую кладку. Протянул руку в темноте куда-то вправо. Раздался щелчок. Часть стены со скрежетом отошла внутрь.

Тайный ход. Старая панель обслуживания лифтов или вентиляционная шахта.

— Лифт давно не ходит, — пояснил старик, оглядываясь через плечо. — Придется ножками. Сорок метров, говоришь? Для меня теперь Эверест. Старые кости давление чувствуют. Как низина начинается — ломит всего. А на вокзале плита гуляет, проседает. Мы ведь на бывшем болоте стоим. Город-то наш плавает.

Они начали подъем. Винтовая лестница была металлической, сваренной из арматурного прута. Свет от керосиновой лампы старика метался по стенам, создавая жутковатые тени. Евгений шел вторым. Он смотрел под ноги, выбирая места, где решетка не прогнила окончательно. Воздух становился заметно холоднее с каждым витком спирали. Конденсат капал сверху, попадая за шиворот. Капли были ледяными.

— Тушенку принес? — внезапно спросил старик, не оборачиваясь. Голос гулко отдавался в трубе лестницы.

Евгений остановился.

— Что?

— Банку тушенки, — повторил старик. — Говядина высший сорт. Барнаульского завода. Или Йошкар-Олинского. Главное, чтоб жир желтый был, застывший. И лаврушка в банке настоящая, а не бумажка крашеная. Принес?

— Нет, — растерялся Евгений. — Меня никто не предупреждал...

— Никто никогда никого не предупреждает, — философски заметил старик. — Жизнь — это внезапная таможня. Всегда найдется пошлина. Хочешь пройти — плати. Кровью, потом или тушенкой. Крови у тебя мало, ты прозрачный. Потеешь вряд ли — в твоём чехле от скафандра. Значит, едой будешь платить.

— У меня нет с собой еды, — честно признался Евгений. — Есть деньги. Карточка.

Старик резко остановился на площадке очередного пролета. Обернулся. В свете лампы его лицо казалось вырезанным из старого дуба.

— Деньги здесь не растут, парень, — тихо и очень серьезно сказал он. — Деньги — это цифры на бумаге. А желудок цифрами не набьешь. Развертайся. Спускайся. Без гостинца хода нет.

Это был тупик. Евгений почувствовал знакомое чувство бессилия. День летел псу под хвост из-за банки консервов. Портфолио останется незаконченным. Срок подачи заявки горит.

— Здесь поблизости есть круглосуточный магазин? — спросил он, стараясь сохранить остатки достоинства.

— Есть, — кивнул старик. — За путями, возле бани. «24 часа». Но оттуда сюда ходу десять минут. А мне ждать недосуг. У меня смена заканчивается. Вернее, началась. Ночь — мое время. Днем я сплю, как крот.

Евгений посмотрел вниз, в черный провал лестничного колодца. Потом вверх, откуда тянуло свежим, влажным воздухом настоящей ночи.

Сдаться? Из-за тушенки?

Холод ненавидел бытовую глупость обстоятельств. Вселенная строит грандиозные препятствия, а он гибнет перед закрытой дверью из-за отсутствия просроченного мяса.

— Жди здесь, — бросил он старику.

Спускаться спиной вперед по винтовой лестнице было самоубийством. Евгений развернулся и начал движение, контролируя каждый шаг. Сердце колотилось уже не от физической нагрузки, а от бешеной злости на абсурдность бытия.

Магазинчик «24 часа» действительно оказался недалеко. Освещенный ядовито-синим неоном павильон стоял как космический корабль среди пустыря, заваленного шлаком. Сонная продавщица лениво посмотрела на бледного парня в огромном бушлате, возникшего посреди ночи.

— Тушенку, — выдохнул Евгений, кладя на прилавок мятую купюру. — Самую лучшую. Самую дорогую.

— Какую? — зевнула женщина. — Белорусскую? Курганскую?

— Где жира побольше. Желтого. И банку покрупнее.

Продавщица скрылась в подсобке. Через минуту вернулась с огромной жестянкой весом граммов восемьсот. Этикетка изображала довольную корову на фоне золотых полей. Цена кусалась — почти треть той суммы, что оставалась у Евгения на проезд до школы на неделю.

— Пакет нужен? — спросила продавщица.

— Нет.

Он схватил банку, чувствуя ладонями смертельный холод металла. Метнулся обратно к вокзалу. Бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через лужи. Страх того, что старик ушел, заперев люк изнутри, гнал его сильнее любого допинга.

Люк был открыт. Темнота внутри дышала ровно.

Евгений взлетел по ступеням, прыгая через две. Керосиновый свет встретил его на уровне третьего этажа.

— Быстро бегаешь, — одобрительно прохрипел старик. — Легкие чистые. Не городские. Евгений молча протянул банку. Ему не хватало дыхания на слова.

Старик взял тушенку двумя руками. Повертел, рассматривая этикетку в тусклом свете лампы. Кивнул каким-то своим мыслям.

— Годная, — вынес вердикт. — Правильный ГОСТ. Держи.

Он полез в свой жилет из покрышек и извлек связку ключей. Огромных, латунных, размером с ладонь. Таких ключей не существовало в двадцать первом веке. Эти ключи открывали ворота, а не двери.

— Держись за ремень, — приказал старик, вешая лампу на специальный крюк на поясе. — Тут последние два марша крутые пошли, голова может закружиться. Отвык твой вестибулярный аппарат от правды.

Они продолжили восхождение. Последний пролет был самым тяжелым. Лестница закончилась, перейдя в вертикальную скоб-трап, вмонтированную прямо в кирпичную кладку вытяжной трубы.

Старик двигался удивительно ловко для своего возраста. Цеплялся за скобы клешнями своих рук, покрытыми черной сетью вен и пигментных пятен. Добравшись до самого верха, он уперся головой в квадратную крышку люка. Толкнул.

Крышка не поддавалась.

— Заржавела, зараза, — пропыхтел он. — Сейчас мы ее... уговорим.

Он навалился плечом. Послышался скрежет, затем звук отрываемого от рубероида металла. Люк пошел вверх. Вниз посыпались крошки засохшей смолы и голубиный помет.

В проем ударил холодный ночной воздух. Настоящий ветер.

Запах озона, речной воды и гниющих водорослей заполнил легкие Евгения. Он вдохнул полной грудью, впервые за вечер почувствовав, что дышать приятно.

— Давай, — старик протянул руку вниз, хватая Евгения за предплечье железной хваткой. — Вылезай. Да не топчись по коньку, шифер хрупкий стал. Ступай по балкам.

Евгений выполз на крышу.

Огромное пространство плоской кровли раскинулось вокруг. Слева возвышалась башня с часами — циферблаты давно осыпались, обнажив металлический каркас стрелок. Справа — шпиль со звездой, покрытый зеленой патиной.

А впереди, со стороны водохранилища, крыши не было. Вернее, заканчивалась кирпичная парапетная стена, а дальше — пустота.

Евгений подошел к краю. Сел на широкий карниз, свесив ноги. Высота захватывала дух.

Тиховодск лежал внизу россыпью серых коробок. Редкие пятна фонарей чертили прямые линии улиц. Река была черной, маслянистой. На противоположном берегу горели факелы нефтебазы — вечные оранжевые огни преисподней. Звезд не было видно из-за городской засветки, небо казалось низким и пыльным.

Но горизонт... Горизонт был чист. Там, где черная вода сливалась с чуть более светлым черным небом, дрожала тонкая, идеально ровная нить. Граница миров.

— Красиво, да? — Старик сел рядом. Расстояние между ними было приличным, но голоса разносились отчетливо. — Отсюда город кажется игрушечным. Можно накрыть ладонью. Когда туман падает, вообще сказка. Будто сидишь на облаке, а под тобой ничего нет. Пустота одна.

— Зачем вы здесь живете? — спросил Евгений, доставая камеру. Руки немного дрожали от адреналина и холода. — Один. Среди голубей и сквозняков.

Старик долго молчал, глядя на огни бакенов далеко в воде.

— А куда мне идти? — наконец ответил он. — Пенсии три тысячи рублей. Государству я задолжал самым фактом рождения, долги вычитают. Детей бог не дал. Женщины любят тех, кто тепло приносит, а я всю жизнь холод собирал. Здесь моя библиотека. Каждая трещинка на этом кирпиче — книга. Я знаю, в каком году клали этот раствор. В пятьдесят четвертом. Песок тогда возили с левого берега, там ракушечник крупный, потому штукатурка и сыпется быстрее.

Он похлопал себя по карману штанов.

— Я каждую ночь обхожу дозором владения. Проверяю, не течет ли где. Голубей гоняю, они стропила клюют. Лампы керосиновые жгу. Электричество нам отрезали еще при Ельцине. Говорят — неплательщики. А кому платить, если порта нет?

Старик вдруг хитро прищурился.

— Ты вот снимаешь смерть. А я живу посередине между смертью и жизнью. Внизу — живые копошатся, греются друг о друга, обманывают, детей рожают. Наверху — птицы летают, им законы физики писаны. А я тут, на стыке. Ветры слушаю. Они знаешь что говорят? Что скоро сдует всё это. Весь ваш пластик, весь ваш профлист. Останется только кирпич. И вода.

Евгений поднял камеру. Объектив нацелился на линию горизонта. Автофокус плясал, пытаясь зацепиться за границу тьмы. Пришлось перейти на мануал. Кольцо фокусировки крутилось с приятным, тугим сопротивлением.

— Вы странный, — сказал Евгений, делая первый пробный кадр. Длинная выдержка превращала воду в гладкое зеркало.

— Был бы нормальный, на кой бы ты ко мне лез? — усмехнулся старик, доставая из другого кармана складной нож. — Ну-ка, поддержи лампу.

Евгений перехватил горячую «летучую мышь». Старик встал, подошел к печной трубе, обложенной белым силикатным кирпичом. Присел на корточки. Клинок ножа звякнул о металл.

Евгений обернулся. Старик вскрывал подаренную тушенку. Прямо на крыше, сидя под звездным (невидимым) небом, опираясь спиной на трубу.

— Огонь есть? — спросил старик, закончив борьбу с крышкой. Та отошла с сочным чавканьем. Комната наполнилась запахом настоящего, плотного мясного жира и лаврового листа. Аромат был настолько мощным, домашним и первобытным, что у Евгения свело скулы.

— Не курю, — ответил он.

— Эх, молодежь... — старик вздохнул. — Всё готовое вам подавай. Ни огня, ни терпения.

Он запустил палец в банку, подцепил кусок волокнистого, темно-красного мяса, пере-
ложенного белыми пластами застывшего сала. Отправил в рот. Жевал он медленно, обстоя-
тельно, кадык на тощей шее ходил ходуном. Ел он не как бомж — жадно, глотая куски, — а
как священник принимает причастие.

— Хорошая тушенка, — констатировал он с набитым ртом. — Спасибо, парень. Долг
платежом красен.

Старик вытер пальцы о край телогрейки. Достал из нагрудного кармана сложенный вчет-
веро лист бумаги. Протянул Евгению.

— На. Держи. Это пропуск. Формуляр обходчика. Старая печать еще советская. Если
менты на обратном пути примут — покажешь. Скажешь, дядя Костя велел выпустить. Дядя
Костя меня зовут. Константин Петрович. Хотя Петрович — это для солидности. Батя мой Пет-
ром не был.

Евгений взял бумагу. Плотный картон. Выцветшие фиолетовые штампы «Допущен к
работам на высоте».

— Почему вы мне помогаете? — спросил он. — Я вам никто.

Дядя Костя улыбнулся. Морщины вокруг глаз собрались лучиками. В свете керосиновой
лампы его лицо перестало быть страшной маской и стало просто лицом очень уставшего, доб-
рого старика.

— Потому что ты один ходишь, — просто сказал он. — Нормальные дети сейчас клей
нюхают или в телефоны орут. А ты рассвет идешь ловить. Это уважительная причина. Небо
любит тех, кто к нему ползет сам, а не на лифте ездит. Лифт душу выдавливает. Понял?

Евгений не знал, что ответить. Он кивнул.

— Понял.

— Ну и ладушки, — старик поднялся, хрустнув коленями. — Пойду я вниз. Ноги мерз-
нуть стали. А ты работай. До рассвета еще час. Самое синее время. Самый лучший свет. Только
шарф перевяжи, у тебя горло открыто. Застудишь — голос пропадет. А фотограф без голоса
— это полчеловека. Поругаться-то хочется иногда, мир несовершенен.

Дядя Костя подошел к скоб-трапу. Обернулся.

— И это... тушенку оставь. Я ее после дождя съем. Когда суставы выламывает, мясо
хорошо помогает. Как лекарство принимаю.

Он исчез в люке. Деревянная крышка легла на место с мягким стуком.

Евгений остался один.

На сорокаметровой высоте.

Между свинцовой водой и пыльным небом.

Он перевязал флисовый бафф, закрывая шею. Поправил перчатки.

Достал второй объектив — телевик.

Впереди, над кромкой дальнего леса, начало проявляться едва заметное изменение цвета.
Черный уступал место глубокому индиго. Температура воздуха упала еще на градус. Камера в
руках начала остывать, передавая холод металлу пальцев.

Евгений прижался щекой к наглазнику видеоискателя.

Белый шум города внизу стихал. Начиналась симфония холодного утра.

Глава 6. Обморожение.

Утро в Тиховодске всегда начиналось с поражения света. Солнце, даже если ему удавалось пробиться сквозь плотную пелену облаков, вязло в желтоватом тумане, который местные называли «испаринной водохранилища». Этот туман не приносил свежести; он пах мокрым бетоном, сгоревшим угольным шлаком и безнадежностью.

Евгений вышел из подъезда ровно в семь сорок пять. Сорок минут пешком до школы — это было не просто расстояние, это был ритуал настройки оптики перед погружением в чужеродную среду.

На улице стоял тот специфический холод ранней осени, который пронизывает глубже зимней стужи. В минус двадцать понятно, как одеваться: слои, мембрана, защита. А при плюс четырех, когда воздух сырой, а ветер дует со стороны реки, кость промерзает насквозь за считанные минуты. Евгений называл это состояние «точкой обморожения» — когда кожа еще теплая, но внутри тканей уже начинается кристаллизация боли.

Он поднял воротник бушлата. Тяжелая ткань легла на щеки, отсекая ледяные лезвия ветра. Руки он держал глубоко в карманах, сжимая в правой латунный Zipro, отобранный у Клыка месяц назад во время одной из мелких стычек. Не для самообороны — зажигалка была слишком легкой для серьезного удара. Это был якорь. Металлический предмет, напоминающий о том, что мир состоит не только из мягкой, податливой человеческой плоти, но и из твердого, честного металла.

Школа номер три гудела, как растревоженный улей, еще издалека. Двухэтажное здание из желтого силикатного кирпича, окруженное голыми тополями, которые торчали из асфальта, как гнилые зубы. Асфальт двора был покрыт сетью трещин, заполненных грязной жижей. Идеальная карта распада.

Главный вход представлял собой эпицентр хаоса. Старшеклассники сбились в плотные группы, создавая водовороты человеческого трафика. Дым дешевых сигарет смешивался с выхлопами старых «Жигулей», высаживающих первоклассников. Шум стоял такой, что мозг Евгения автоматически включил фильтр белого шума, приглушив частоты человеческих голосов и оставив только низкий гул толпы.

Он шел по краю этого месива, вдоль забора-рабицы, внимательно глядя под ноги, чтобы не вступить в лужу. Его стратегия выживания в школе строилась на невидимости. Быть тенью, скользящей вдоль стен. Он почти достиг спасительного крыльца.

— Эй, Художник.

Голос ударил в спину не звуковой волной, а физическим ощущением опасности. Инстинкт заставил плечи подняться к ушам. Евгений узнал этот тембр сразу — сиплый, с ленью, голос человека, которому никогда не приходилось торопиться, потому что мир сам прогибался под его шаг.

Данила «Клык» Серов отделился от своей свиты. Он двигался плавно, враскачку, как крупный хищник семейства кошачьих. На нем была черная кожаная куртка-косуха, надетая поверх спортивного костюма с тремя белыми полосками. Контраст выглядел нелепо и угрожающе одновременно. Косуха делала его похожим на призрака из девяностых, случайно заблудившегося во времени.

Свита — трое парней помельче, Лось, Гном и Серый — остались стоять у трансформаторной будки, медленно пережевывая жвачку и сплевывая на асфальт. Они были декорацией. Театр одного актера.

Евгений остановился. Разворачиваться резко нельзя — это провоцирует атаку. Медленно, словно поворачивается ржавый флюгер, он перенес вес на другую ногу и посмотрел на Данилу.

— Деньги принес? — спросил Клык вместо приветствия. Он подошел вплотную, нарушив зону личного пространства. От него пахло дешевым одеколоном «Фаренгейт» (купленным явно с лотка на рынке) и сладковатым запахом анаши, которую они наверняка курили за гаражами перед школой.

— Какие деньги, Данила? — Евгений смотрел чуть выше правого глаза собеседника. Старая психологическая уловка: прямой взгляд в глаза воспринимается как вызов, взгляд в точку между бровями — как анализ угрозы.

— За охрану, — широко улыбнулся Клык. Улыбка обнажала металлические фиксы слева, которые жутко блестели на солнце. — Ты же теперь человек занятой. По ночам лазишь, фотографируешь. Портфель свой дорогой носишь. Там аппаратуры небось на сто тыщ. Райончик у нас дикий, сам знаешь. Шпана всякая ходит. Могут телефон отжать. Или камеру разбить. Я слышал, стекла нынче дорогие.

Это была классическая постановка. Данила не просил. Он предлагал услугу, которая Евгению была не нужна. Но отказ от услуги означал признание того, что услуга тебе не требуется, а значит, ты считаешь себя сильнее предлагающего. В иерархии дна слабость карается немедленно.

— Мне не нужна охрана, — ровным голосом ответил Евгений. Он чувствовал, как пальцы ног в тонких кедах начинают терять чувствительность от холода, стоящего на месте. Температура тела падала. Начиналась стадия настоящего обморожения — защитная реакция организма, сужающего сосуды конечностей ради спасения ядра.

Улыбка Данилы дрогнула и превратилась в оскал.

— Гордый, да? — он цыкнул зубом. — Интеллигент. Думаешь, раз слова умные знаешь, так тебя трогать нельзя?

Один из шестерок — Лось — хохотнул. Это был сигнал. Звук щелчка предохранителя в механизме насилия.

Евгений молчал. Молчание в таких ситуациях работает лучше любых слов. Оправдание — это трещина. Объяснение — приглашение к диалогу. Диалога быть не могло. Здесь работала только физика тел.

— Значит, не понимаешь по-хорошему, — вздохнул Данила, театрально разведя руками. — Ну, придется по-плохому. Воспитательный процесс.

Он сделал резкий выпад левой рукой, пытаясь схватить Евгения за лямку рюкзака. Это был стандартный прием: дернуть на себя, сорвать равновесие, заставить противника открыться, пока он ловит баланс.

Но Евгений не играл в эту игру.

Вместо того чтобы сопротивляться рывку или отступать, он качнулся *навстречу* движению, уходя влево по диагонали. Одновременно его правая рука вылетела из кармана. Не для удара. Для захвата.

Пальцы сомкнулись на запястье Данилы не в попытке удержать, а в жестком контроле большого пальца. Классический рычаг кисти, которому Женьку два года назад научил отчим Витя, показывая приемы задержания дебоширов на заводе. Правда, Виктор учил ломать, а Евгений использовал технику айкидо — перенаправление энергии.

Рука Данилы оказалась вывернута. Клык потерял центр тяжести. Пытаясь вернуть контроль, он всей массой повис на своем же плечевом суставе.

— Ай, су... — начал он, но осекся.

Евгений не стал завершать бросок. Ему не нужен был бой. Бойня привлекает внимание учителей, вызывает полицию, ведет к протоколам. Ему нужно было сохранить статус-кво. Показать зубы, не проливая крови.

Он просто нажал чуть сильнее на основание большого пальца Данилы. Сустав хрустнул — сухо, отчетливо, как сломанная ветка. Не болезненно-безнадежно, а предупреждающе.

— Статика, Данила, — тихо сказал Евгений прямо в ухо скривившемуся от неприятной боли противнику. — Изучай сопротивление материалов. Если приложить силу перпендикулярно вектору движения рычага, точка слома наступает быстрее, чем объект успевает среагировать. Сегодня я нажимаю на один ньютон. Завтра — на десять. Выбирай коэффициент упругости своего запястья.

Он отпустил руку.

Данила отшатнулся, прижимая кисть к животу. На лице сменилась целая гамма эмоций: ярость, боль, растерянность и, самое главное, страх непонимания. Хулиганы понимают кулаки. Они понимают палки. Они не понимают термодинамику и теорию рычагов, примененную к их пальцам. Это пугало больше всего — осознание того, что жертва играет по правилам другой вселенной.

— Ты попутал, очкарик? — просипел Клык, пытаясь восстановить доминирование через мат. Голос звучал неуверенно. — Да я тебя...

— Что ты сделаешь? — Евгений перебил его. Он сделал полшага вперед, снова сокращая дистанцию. Теперь уже Данила инстинктивно отступил на полступни назад, упершись спиной в забор-рабицу. Свита у будки замерла. Спектакль пошел не по сценарию. — Вызовешь старшего брата? Напишешь заявление участковому? Мы оба знаем, что твой брат сейчас ищет работу, а участковый пьет чай с моим отчимом. Мир тесен, Данила. Особенно наш маленький ледник.

Евгений достал из левого внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Протянул его дрожащей — то ли от холода, то ли от адреналина — руке Данилы.

— Здесь расчеты. Стоимость моего портфеля — двенадцать тысяч рублей на вторичном рынке. Амортизация объектива при твоём гипотетическом падении обойдется тебе в стоимость твоей почки. Страховой взнос за «охрану» составляет пятьсот рублей в неделю. Математическое ожидание прибыли отрицательное. Закрывай бизнес-план, Данила. Ищи других лхов.

Он развернулся. На этот раз движение было окончательным. Спиной к стае. Самое уязвимое положение. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось маской из замерзшего фарфора. Каждый шаг отдавался болью в промерзших пальцах ног. Ботинки совершенно не держали тепло.

— Мы еще поговорим, — бросил ему в спину Клык. В голосе уже не было власти, только злоба загнанного в угол животного. — После уроков. За стадионом.

Евгений не обернулся. Он лишь слегка кивнул, не замедляя шага. Это был не знак согласия на драку. Это был автоматизм вежливости, доведенный до издевательства.

Школьный коридор встретил его привычным теплом батарей и запахом хлорки. Тепло начало возвращаться в конечности, и это возвращение сопровождалось миллионами иголок, впивающихся в кожу. Кровообращение восстанавливалось. Процесс крайне неприятный физически, но морально Евгений чувствовал странный подъем.

«Обморожение первой степени, — констатировал он мысленно, вешая рюкзак в шкафчик раздевалки. — Повреждения поверхностных тканей отсутствуют. Симптом "нестерпимого жара" при согревании пройдет через пятнадцать минут».

Первый урок — алгебра. Кабинет на втором этаже. Евгений сел за свою парту. Достал тетрадь.

Марина Власова, сидевшая впереди, обернулась. Ее глаза — обычно яркие и уверенные — сегодня казались воспаленными. Она смотрела на него долго, изучающе.

— Опять с ним сцепился? — шепотом спросила она, когда учительница вошла в класс и начала монотонно выводить формулы на доске.

— Термин «сцепился» подразумевает взаимное участие, — не отрываясь от созерцания интегралов, ответил Евгений. — В данном случае имело место одностороннее разъяснение принципов биомеханики.

— Тебе нравится ходить по краю? — Марина закусила губу. — Данила мстительный. Он глупый, но упорный. Как капающий кран.

— Капающий кран разрушает бетон, если вода попадает в микротрещины и замерзает зимой, — согласился Евгений. — Расширение объема льда разрывает структуру изнутри. Но мы говорим о биологии. Человеческая челюсть выдерживает нагрузку до трехсот килограммов на квадратный сантиметр. Я могу рассчитать точный угол удара основанием ладони, который приведет к вывиху височно-нижнечелюстного сустава Клыка. Проблема не в расчетах. Проблема в последующей уборке биологических жидкостей с линолеума. Это портит мою обувь.

Марина моргнула. На ее лице отразилась борьба между желанием рассмеяться и ужасом от услышанного. Она видела перед собой тихого парня с фотоаппаратом, а из-под этой маски выглядывал холодный, отстраненный алгоритм уничтожения.

— Ты больной, Холод, — прошептала она, отворачиваясь обратно к доске.

— Нет, — возразил Евгений, открывая ручку. — Я просто соблюдаю температурный режим. Когда вокруг вечная мерзлота, единственный способ не погибнуть — стать льдом самому. Лед не чувствует боли, Марин. Он просто режет.

Весь урок он рисовал в тетради не синусоиды, а схему распределения сил при захвате руки. Тонкие линии, стрелочки векторов, точки приложения давления. Алгебра чисел уступила место алгебре разрушения.

Звонок на большую перемену прозвучал как сирена воздушной тревоги.

Евгений методично собрал вещи. Он знал правила. «После уроков. За стадионом» — это не пустая угроза. Это традиция. Место встречи изменить нельзя, там нет камер наблюдения, а звук ударов поглощается земляным валом.

Стадион находился за спортплощадкой. Раскисшее футбольное поле, превращенное осенними дождями в болото. Трибуны — несколько рядов деревянных скамеек, покрытых облупившейся зеленой краской.

Когда Евгений вышел из дверей школы, толпа старшеклассников уже текла ручейками на улицу. Данила ждал его у турников. Он был не один. Рядом с ним стоял парень гораздо крупнее — старший брат, Макс «Бизон» Серов. Два метра ростом, плечи закрывают горизонт. Лицо добродушное, почти детское, если бы не тяжелый, неподвижный взгляд профессионального охранника супермаркета.

Свита Клыка стояла полукругом. Театральная арена.

Евгений остановился в десяти метрах от них. Поправил лямку рюкзака. Проверил, плотно ли затянут шнурок на капюшоне.

Макс «Бизон» сделал шаг вперед. Земля чавкнула под его тяжелым ботинком.

— Проблемы создаешь моему брату, студент? — голос Бизона был низким, вибрирующим. Он говорил спокойно, без крика. Это было опаснее любой истерики Данилы.

— Ваш брат пытается взимать налог на перемещение по муниципальной территории, — ответил Евгений. — Согласно Конституции РФ, право на свободное передвижение гарантировано законом. Взимание платы частными лицами классифицируется как грабеж. Статья 161 УК РФ.

— Юрист, значит, — усмехнулся Бизон. Он двинулся навстречу. Медленно, перекатываясь с пятки на носок. — Сейчас будем учить уголовное право. Практическое занятие.

Данила злорадно улыбался, прячась за широкой спиной брата. Он хотел увидеть страх. Тот самый липкий, мочевой запах страха жертвы, который дает хищнику эйфорию.

Евгений выдохнул. Выдох облачком пара растворился в сыром воздухе.

Он наклонился и начал расстегивать ремешок дорогих наручных часов — подарка матери на шестнадцатилетие. Дорогих и абсолютно бесполезных в уличной драке. Механизм мог не пережить падения.

— Подержи, — коротко бросил он ближайшему парню из свиты — Гному. Парень машинально протянул руки и взял часы, ошарашенный таким спокойствием.

Затем Евгений снял рюкзак. Аккуратно положил его на край грязной скамейки, подальше от луж. Расстегнул верхнюю кнопку бушлата.

И остался стоять в тонкой хлопковой футболке.

Толпа притихла. Даже птицы перестали чирикать.

Макс перестал идти. Замер в пяти метрах.

Евгений развел руки в стороны, ладонями вверх. Широкая стойка. Центр тяжести занижен. Колени чуть согнуты.

Он закрыл глаза.

— Правила поединка просты, — произнес он, не повышая голоса, но акустика утреннего стадиона разнесла слова до самых дальних деревьев. — Никаких ножей. Никакой арматуры. Только тело. До признания поражения. Кто падает — тот проиграл. Кто калечит — отвечает перед людьми вашего отца. Справедливо?

Макс переглянулся с братом. В глазах Данилы впервые мелькнул испуг. Перед ними стоял не забитый школьник. Перед ними стоял псих. Человек, готовый умереть за свои принципы здесь, в грязи за стадионом, выглядящий при этом абсолютно невозмутимым.

— Справедливо, — прохрипел Данила, выходя из-за спины брата. Он тоже сбросил кошку, оставшись в майке. Его трясло — то ли от холода, то ли от предвкушения.

Они начали сходитьсь.

Белый шум толпы исчез окончательно. Остался только звук шагов по размокшей земле и тяжелое дыхание двух людей.

Расстояние сократилось до критического.

Евгений видел каждую пору на лице Данилы. Видел грязь под ногтями. Видел расширенные от адреналина зрачки.

Время замедлилось.

Точка обморожения пройдена. Внутри стало жарко. Очень жарко.словно кто-то плеснул спирта на угли в груди.

Холод ушел. Пришла абсолютная ясность.

Данила нанес первый удар. Прямой правый в голову. Классическая двоечка боксера-любителя. Слишком предсказуемо. Слишком много инерции.

Евгений не блокировал. Блок — это потеря инициативы. Он подсел под бьющую руку, пропуская кулак в миллиметрах от своего виска. Время послушно растянулось. Он видел костяшки пальцев, летящие к его лицу.

Его левая рука змеей метнулась вперед. Ладонь жестко впечаталась в солнечное сплетение Данилы. Не удар, а импульс. Резкий выдох воздуха из легких противника.

Правая рука Евгения в ту же секунду зафиксировала локоть атакующей руки Данилы, используя массу падающего вперед тела самого Клыка.

Раздался тошнотворный влажный хруст.

Локтевой сустав выскочил из сумки. Рука повисла плетью.

Данила открыл рот, чтобы закричать, но легкие все еще оставались смятыми после удара в диафрагму. Из горла вырвался только глухой сип.

Евгений оттолкнул его от себя. Данила упал навзничь, прямо в лужу, подняв фонтан грязных брызг. Он лежал, скорчившись, прижимая к груди сломанную правую руку. Белые от боли глаза смотрели в серое небо.

Наступила мертвая тишина. Такая густая, что казалось, можно потрогать ее руками.

Макс «Бизон» стоял столбом. Его программа дала сбой. Такого не бывает. Маленький задохлик не может выключить терминатора-Данилу за две секунды. Это противоречит законам физики.

Евгений повернулся к нему. Посмотрел снизу вверх.

— Следующий получит перелом гортани, — тихо сказал он. — Это необратимо. Будете кормить его через трубочку. Оно вам надо?

Он не стал ждать ответа. Наклонился, подобрал свой рюкзак. Застегнул бушлат. Забрал часы у ошолобеневшего Гнома. Натянул рукав, пряча циферблат.

— Учебный день закончен, — сказал он толпе. Зубы начали выбивать дробь — организм наконец-то отреагировал на переохлаждение и выброс адреналина спазмом мышц. — Рекомендую вызвать такси вашему другу. И травматолога.

Евгений развернулся и пошел прочь. Он шел не оглядываясь. Шел мимо школы, мимо гаражей, в сторону старого вокзала. Ноги промокли насквозь, в кедах хлюпала ледяная вода.

Но внутри больше не было холода.

Там пылал сухой, стерильный огонь ядерного реактора. Реактора, работающего на чистом топливе собственного достоинства.

Глава 7. Закрытая форточка.

Кабинет социального педагога располагался в торце первого этажа, рядом с учительской и туалетом для мальчиков. Это было самое неуютное место в школе: точка пересечения потоков запахов — хлорки из уборной, дешевого кофе из учительской и вечной сырости старых перекрытий. Дверь кабинета была обита дешевым дерматином, из которого во многих местах вылезали клочья пожелтевшей ваты, похожие на гнойники.

Евгений постучал костяшками пальцев по косяку. Звук получился сухим, деревянным.

— Войдите, — раздался из-за двери голос Елены Викторовны. Слишком бодрый, слишком сладкий. Голос человека, который искренне верит, что делает мир лучше, просто наклеивая пластырь на гангрену.

Он вошел.

Елена Викторовна сидела за массивным столом из ДСП, имитирующего дуб. Стол был абсолютно пуст, если не считать монитора компьютера, накрытого кружевной салфеткой ручной вязки, и пластиковой вазочки с карамельками «Дюшес». Сама Елена Викторовна — женщина неопределенного возраста между сорока и пятьюдесятью, с химической завивкой медного цвета и лицом, застывшим в выражении профессионального сочувствия, — улыбнулась ему так широко, словно ждала родного сына из армии.

— Женечка! Проходи, садись. Я чайник только поставила, хочешь чаю? У меня есть печенье «Мария», диетическое.

Евгений остался стоять у порога. Он смотрел на стену позади нее. Стена была увешана грамотами в рамках под стеклом и плакатами с жизнеутверждающими лозунгами: «Твоя жизнь — твой выбор!», «Скажи наркотикам нет!», «Семья — главная ценность».

— Спасибо, я сыт, — ответил Евгений. Его голос прозвучал плоско, без модуляции. Как звук включающегося люминесцентного светильника.

— Ну как знаешь, — ничуть не смутившись, кивнула она. — А я вот попою. Нервы, сам понимаешь. Работа такая. Садись, чего встал, как неродной. Разговор у нас неофициальный. Просто беседа.

Она сделала акцент на слове «просто». В бюрократическом языке школы слово «беседа» означало допрос с пристрастием, протокол которого ляжет в личное дело. Евгений подошел к стулу для посетителей.

Стул был низким и мягким. Психологическая уловка: посетитель должен сидеть ниже хозяина кабинета, чувствовать себя маленьким и виноватым. Евгений сел на самый край, выпрямив спину так, словно проглотил лом. Его макушка едва доставала до уровня стола педагога.

Елена Викторовна шумно отхлебнула чая из чашки с надписью «Главной бухгалтерше». Поставила ее на блюдце с таким звоном, будто ставила точку в предложении.

— Жень, ты же умный мальчик, — начала она, сцепив пальцы в замок на животе. — Мы твои журналы успеваемости смотрели. Алгебра — пять. Физика — пять. Литература — четыре. Мозги у тебя работают, как компьютер последнего поколения. Вопрос тогда возникает один: зачем ты ломаешь себе будущее?

Евгений молчал. Он ждал продолжения. Это была разминка.

— Твой рейтинг конфликтности зашкаливает, — продолжила она, щелкая мышкой. Монитор ожил, показывая какие-то графики. — Драка за стадион. Инцидент с Данилой Серовым. Травма средней тяжести. Справка от врача есть. Максудов Азамат Рустамович зафиксировал вывих локтевого сустава у потерпевшего. Полиция пока заявление не забрала, потому что мать его пожалела, но это дело случая. Ты хоть понимаешь, куда это катится?

— Потерпевший инициировал агрессивный контакт с целью финансового обогащения путем шантажа, — ровным голосом произнес Евгений, глядя на плакат «Нет буллингу». — Мои действия классифицируются как необходимая оборона. Согласно статье тридцать седьмой УК РФ, защита личности не является преступлением, даже если причиненный вред больше предотвращенного, если само нападение представляло угрозу.

Елена Викторовна моргнула. Ее программа дала сбой. Она ожидала угрюмого молчания или подростковой дерзости («А че он лезет?»). Она не ожидала ссылки на Уголовный кодекс.

— Дело не в статьях, Женя, — мягко, почти гипнотически сказала она. — Дело в социализации. Школа — это модель общества. Если ты не научишься находить общий язык с такими, как Данила, то как ты будешь жить дальше? На заводе тоже люди разные. И в офисе. Нужно уметь уступать, идти на компромисс...

— Компромисс предполагает наличие общих интересов, — перебил Евгений. Он перевел взгляд с плаката на лицо женщины. Глаза у него были бледные, серые, почти прозрачные. Взгляд не тяжелый, а пустой, как у глубоководной рыбы. — Какие у меня общие интересы с человеком, чей интеллектуальный потолок ограничивается распределением зон влияния в школьном туалете? Он хочет моих денег. Я хочу сохранить свои деньги. Где здесь вектор для компромисса? Пятьдесят процентов кражи считается успехом переговоров?

Педагог тяжело вздохнула. Отложила печенье, которое так и не надкусила. Маска «заботливой тетушки» трещала по швам, сквозь нее начало проступать раздражение чиновника, чья система дает сбой.

— Господи, Холод, ну почему с тобой всегда так сложно? — она потеряла виски. — Все дети как дети. Максимов вчера стекло разбил — мы его пожурили, родителей вызвали, он извинился. А ты... ты строишь баррикады. Мама твоя приходила. Плакала. Говорит, отчим пьет, дома обстановка тяжелая. Мы всё понимаем, Женя. Жизнь трудная. Но нельзя же закрываться от мира!

Упоминание матери кольнуло. Не болью — жалостью. Жалость унижает сильнее прямого оскорбления.

— Моя мать — взрослый дееспособный человек, сделавший осознанный выбор партнера, — сказал Евгений. — Мое эмоциональное состояние не должно быть производной от их биохимических реакций на этанол. Что касается «закрываться»... Окно открывается внутрь, Елена Викторовна. Чтобы проветрить помещение, нужно сначала впустить холод с улицы. Вы предлагаете мне открыться. Но ваша школа — это теплица с разбитыми стеклами. Внутри душно и пахнет гнилью. Я предпочитаю держать форточку закрытой, чтобы не отравиться миазмами.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как в коридоре первоклассники бегут на урок физкультуры, топая, как стадо бизонов. Слышно, как капает вода из неисправного крана в туалете. *Кап. Кап. Кап.* Метроном убывающего терпения.

Елена Викторовна сменила тактику. Наклонилась вперед, положив локти на стол. Салфетка под монитором съехала, обнажив серый пластик.

— Хорошо, давай начистоту. Без кодексов. Марина Ветрова. Почему ты ее обижаешь? Евгений удивленно приподнял бровь. Это был неожиданный поворот.

— Обижаю? — переспросил он. — В каком моменте диалога на уроке обществознания вы усмотрели акт агрессии с моей стороны?

— Не делай вид, что не понимаешь! — она слегка повысила голос, но тут же осеклась и оглянулась на дверь. — Марина сегодня пришла ко мне вся в слезах. После вашего разговора о будущем города. Ты публично уничтожил ее проект. При всем классе. Назвал ее стратегию «макияжем для трупа». Девочка готовилась месяц, искала гранты, консультировалась с архитекторами...

— Архитекторы нарисовали рендеры набережной, которые стоят три годовых бюджета города, — жестко ответил Евгений. — Гранты уйдут на оплату услуг этих архитекторов. Город

останется с тем же выгребными ямами вместо канализации. Марина плачет не потому, что ей обидно за город. Ей обидно, что ее иллюзию превосходства разбили о таблицу умножения фактов. Я не обязан гладить ее по голове за токсичный оптимизм.

— Ты жесток, Женя, — тихо сказала педагог. — В тебе столько злобы. Откуда это? Из-за Виктора? Отчима твоего? Я знаю таких мужчин. Они давят. Ломают. Тебе больно дома, и ты выплескиваешь эту боль здесь, на тех, кто слабее или просто пытается делать свою работу.

Это был удар под дых. Попытка психоанализировать Хлада вызывала физическое отвращение, похожее на тошноту. Словно таракан заполз в ухо.

— Давайте внесем ясность, — Евгений чуть подался вперед, сокращая дистанцию. Теперь они оба нависли над виртуальной разделительной линией стола. — Злость — это эмоция. Эмоции требуют расхода калорий. Мой организм функционирует в режиме энергосбережения. То, что вы называете злобой — это отсутствие фильтра между мыслью и речью. Зачем говорить «проект интересный, но требует доработки», если можно сказать «это мертвечина»? Второе экономит время. Время — единственный невосполнимый ресурс.

Он откинулся назад, снова становясь недостижимым.

— Что касается Виктора. Он не давит на меня. Он просто существует в том же пространстве. Как старый шкаф, который скрипит по ночам. Мешает спать, но винить шкаф в бессоннице глупо. Вы пытаетесь найти драму там, где есть только физика. Тепловая смерть системы наступает при выравнивании температур. Я просто поддерживаю отрицательную температуру своего сознания, чтобы не сравняться с окружающим болотом. Если вам кажется, что лед обжигает — это проблема вашей чувствительности, а не моего климата.

Елена Викторовна смотрела на него во все глаза. Она видела перед собой шестнадцатилетнего мальчика в мешковатом бушлате. Но разговаривал с ней тридцатилетний, уставший от жизни судебный пристав. В этом теле сидел старик, который давно умер для всех иллюзий.

— Чего ты хочешь добиться, Женя? — спросила она уже другим тоном. Почти жалобным. — Куда ты идешь?

— В Санкт-Петербург, — мгновенно ответил он. — По гранту. Через восемь месяцев. Мне нужно собрать портфолио. Для этого нужен доступ на крышу вокзала. Официальный. Потому что каждый раз покупать консервы дяде Косте накладно, а рисковать свободой ради удачного ракурса — неэффективно.

— Крышу вокзала? — зацепилась она за знакомое слово. — Того самого, закрытого? Там же аварийная зона, перекрытия могут рухнуть в любой момент. Охрана ЧОП «Щит» пишет докладные каждую неделю, что туда лазают сталкеры. Это ты, что ли, проволоку срезаешь?

— Проволоку срезают наркоманы, чтобы сдать в пункт приема металлов, — флегматично заметил Евгений. — Я пользуюсь боксерским универсальным ключом. Это быстрее и тише. Перекрытия там крепче, чем фундамент этой школы. Здание строили пленные немцы и энтузиасты коммунизма. Оно переживет ядерную зиму. Я хочу снять серию «Энтропия индустриального романтизма». Нужен масштаб. Сорок метров высоты дают правильную перспективу. Люди внизу должны выглядеть как статистическая погрешность.

Он говорил правду. Холодную, чистую, режущую правду. Никакой рефлексии, никаких просьб понять тонкую душу творца. Только логистика задачи.

Елена Викторовна поняла, что проиграла. Она сражалась с психологическими травмами, которых не было, и пропустила удар логикой, против которой у дипломированного педагога не было приемов.

Она взяла ручку. Постучала ей по столу.

— Значит так, — сухо сказала она, переходя на официальный тон. Роль «подружки» была выброшена в мусорное ведро. — За инцидент с Серовым объявляется выговор. Формально. В приказе будет написано «профилактическая беседа». Будешь приходить ко мне каждый втор-

ник после уроков. Будем работать над коммуникативными навыками. Читать Петрановскую. Учиться эмпатии.

— Эмпатия — это способность проецировать чужое психоэмоциональное состояние на свое, — вставил Евгений. — Отсутствие реакции на истерику Марины Ветровой свидетельствует о здоровом эгоцентризме, необходимом для выживания в условиях дефицита ресурсов. Читать будем Уголовный и Административный кодексы. Практичнее.

Елена Викторовна сжала ручку так, что побелели костяшки.

— Свободен, Холод, — процедила она, глядя в монитор. — Иди на следующий урок. И запомни: форточку нельзя вечно держать закрытой. Спертый воздух либо сожрет тебя изнутри, либо ты просто задохнешься в собственном величии.

— Воздух в теплице спертый изначально, — поднимаясь со стула, ответил Евгений. — Растения в ней растут слабыми, бледными и годятся только на корм скоту. Дикие травы пробивают асфальт. Хорошего дня, Елена Викторовна.

Он развернулся и пошел к двери. Ему вслед полетел звонкий щелчок — это педагог со всей силы опустила дешевую пластиковую ручку на столешницу.

В коридоре было пусто — шла контрольная по математике. Евгений прислонился спиной к прохладной стене возле окна.

Достал сигарету. Курить он начал недавно, после истории с крышей вокзала. Не ради никотина — ради ритуала. Огонь Zippo, горький вкус дыма, секундная пауза в восприятии. Маленькая доза легального саморазрушения, уравновешивающая стремление к самосохранению.

Он щелкнул зажигалкой. Затянулся. Выпустил дым в сторону форточки.

Форточка в окне коридора действительно была закрыта наглухо. Старая деревянная рама рассохлась и заклинила намертво много лет назад. Между рамами лежала дохлая муха, мумифицированная временем.

«Спертый воздух либо сожрет тебя...»

Мысль Елены Викторовны была смешной. Она думала, что внутри него вакуум. Пустота.

Но внутри Евгения Холода не было пустоты. Там была сверхплотная материя. Ядро планеты, сжатое колоссальным давлением воли. Там не было места для чужой боли, потому что своя структура занимала весь предоставленный объем.

Он посмотрел на свои руки. Тонкие запястья, длинные пальцы. На правой руке, ближе к большому пальцу, начинал желтеть синяк — след от захвата Данилы. Под кожей переливался желвак гематомы.

Было немного больно при нажатии. Приятно-больно. Физическое напоминание о том, что закон рычага работает эффективнее, чем закон об образовании.

Докурив, он аккуратно затушил окурок о подошву ботинка и спрятал бычок обратно в пачку. Мусорить — значит оставлять следы. Следы ведут к тому, кто их оставил.

Звонок на урок резанул по ушам. Коридор начал заполняться галдящей массой.

Евгений оттолкнулся от стены. Достал из кармана сложенный в несколько раз лист бумаги — разрешение на посещение архива, которое он вытряс из испуганной библиотечарши еще вчера.

Впереди был урок литературы. Пушкинская Татьяна, пишущая письмо Онегину. Еще одна история о женщине, которая открыла форточку своей души навстречу сквозняку и заработала хроническое воспаление легких духа.

Евгений криво усмехнулся уголком рта.

Урок обещал быть скучным.

Глава 8. Письмо из тепла.

Конверт лежал на кухонном столе, и само его присутствие здесь выглядело как вторжение инопланетной формы жизни.

В квартире Холодовых почта делилась на три категории: серые квитки за ЖКХ с красной полосой «ДОЛГ», бесплатные газеты с рекламой ритуальных услуг и пластиковые карты скидок из продуктового дискаунтера «Светофор». Белых конвертов плотной бумаги формата А4 в их экосистеме не существовало. Они противоречили законам термодинамики этого дома.

Евгений стоял в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку. Он вернулся со школы полчаса назад, но заходить внутрь не спешил. Он сканировал пространство. Отчим Виктор сидел спиной к двери, уронив голову на грудь. Перед ним стояла недопитая бутылка «Тиховодской» и тарелка с застывшим жиром. Храп Виктора был похож на работу неисправного дизельного двигателя — с пропусками зажигания и металлическим лязгом. Мать гремела водой в ванной, пытаясь отстирать мазутное пятно с рабочей куртки отчима. Стиральная машина «Малютка» выла на ультразвуке, сотрясаясь всем своим пластиковым телом.

А между бутылкой и засохшей коркой хлеба лежало *Оно*.

Белый прямоугольник. Плотный картон дорогой фактуры. Евгений подошел бесшумно, ступая по линолеуму так, как ходят по минному полю. На конверте не было марок. Только логотип университета. Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. В левом верхнем углу — тиснение серебряной фольгой. Даже отсюда, с расстояния вытянутой руки, чувствовалось, что бумага стоит дороже, чем вся одежда Евгения, включая зимние ботинки.

Он взял конверт двумя пальцами. Руки не дрожали. Внутри него сейчас поддерживалась температура абсолютного нуля. Любая эмоция требовала энергии, а тратить калории на трепет перед бумагой он считал непозволительной роскошью. Но где-то глубоко под слоем льда, в мантии планеты по имени Евгений Холод, началось медленное движение тектонических плит.

Клапан конверта был заклеен тонкой полоской стикера. Не вскрыт. Это удивило Евгения больше всего. Значит, мать увидела его в почтовом ящике (кто вообще до сих пор кладет туда почту, кроме налоговой?) и просто положила на стол. Она знала, что это важно. Или боялась узнать, что там.

Евгений прошел в свою комнату. Дверь закрылась с мягким щелчком шпингалета, отсекая звуки гниющей квартиры. Здесь пахло озоном от работающего ноутбука и холодной пылью заброшек, вьющейся в ткань бушлата. Комната была тесным кубом два на три метра. Кровать, стол, стул. На стене вместо ковра висела распечатанная в формате А2 фотография трещины в бетоне, напоминающая дельту реки Нил. Красота распада.

Он сел за стол. Положил конверт на подставку для монитора. Свет от настольной лампы упал на бумагу, выявляя фактуру «лен». Тени легли идеально, подчеркивая рельеф букв.

«Уважаемый Евгений!»

Официальное обращение всегда вызывало у него легкое раздражение своей фальшью. Никакого уважения в бюрократических клише нет, есть только дистанция.

«Руководство кафедры "Современная визуальная культура" ознакомилось с Вашим предварительным портфолио, отправленным в рамках открытого конкурса грантов "Северное Сияние". Мы получили Ваше эссе "Термограмма трупа" и серию урбанистических пейзажей серии 402–418...»

Евгений перестал читать. Откинулся на спинку стула, запрокинув голову. Потолок над ним покрывался темными пятнами — крыша опять дала течь после вчерашнего ливня. Пятно прямо над столом разрасталось, приобретая форму африканского континента.

«Термограмма трупа». Так называлась серия снимков роддома и вокзала. Он отправил их месяц назад почти наудачу, выбрав этот вуз методом исключения: самый далеко расположенный от Тиховодска, с самым высоким порогом проходного балла и самой циничной формулировкой учебной программы. Ему казалось, что именно там оценят честность мертвечины.

Они оценили. Он снова склонился над текстом.

«...Приемная комиссия отмечает редкую для вашего возраста бескомпромиссность взгляда и отказ от эстетизации упадка. Вы показываете смерть без романтического флера, свойственного подростковой меланхолии. Однако грант предполагает не только фиксацию энтропии, но и созидание. Условием прохождения во второй тур очного отбора является выполнение практического задания».

Сердце пропустило удар. Гранты такого уровня обычно покрывают обучение, проживание в общежитии и выдают солидную ежемесячную стипендию. Выход из ледника. Билет в один конец. Тепло. «Задание: Серия портретов "Герои моего города"».

Формат: 12 работ, формат TIFF, разрешение не менее 300 dpi.

Суть: Нам не нужны руины. Руин много, они везде одинаковы. Нам нужен человек. Покажите нам тех, ради кого эти стены должны стоять. Найдите лица, которые держат на себе вес этой конструкции. Докажите, что ваш город жив не вопреки, а благодаря им. Срок сдачи материала — через четырнадцать дней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.